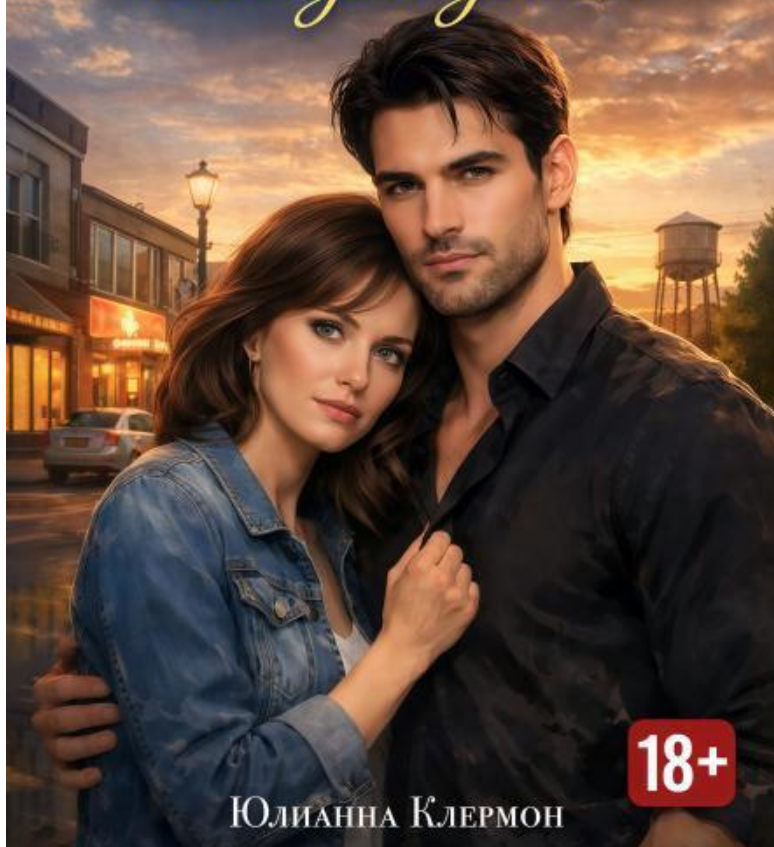

БРОШЕНКА

шанс для двоих

Юлианна Клермон

18+

Юлианна Клермон

Брошенка. Шанс для двоих

<https://litres.ru/74212209>

Аннотация

Двадцать лет брака закончились одним днём.

Муж подал на развод и выставил её из квартиры. Оставил без денег и без права на прошлую жизнь.

40 лет. Съёмная комната. Две работы. И мягкий характер, который совсем не помогает выживать.

Она привыкла терпеть, помогать другим, жалеть даже тех, кто не заслуживает жалости.

А потом в её жизни появляется мужчина. Ему 32. Он ходит с тростью и не любит, когда его жалеют. Он слишком хорошо знает цену предательству. Он не герой и не спасатель. Он просто появляется рядом и помогает. Молча. По-мужски.

Вот только бывший муж не собирается отпускать её так легко. И когда всплывают старые афёры, становится ясно – бороться придётся не только за любовь, но и за безопасность.

Эта история о второй попытке. О двух людях, которые слишком много пережили, чтобы снова верить – и всё же рискнули.

Реалистичная проза Зрелая героиня 40+ Разница в возрасте Бытовая поддержка, а не сказочные спасения ХЭ – 100% 18+

Содержание

Глава 1	4
От автора	16
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	56
Глава 6	70
Глава 7	83
Глава 8	98
Глава 9	110
Глава 10	123
Глава 11	140
Глава 12	153
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Глава 1

– ...Так что даю тебе время до завтрашнего вечера. Соберай манатки, и чтобы духу твоего больше в моей квартире не было! – рычит муж, склонившись надо мной.

Вижу, как напряжённо подёргиваются мышцы на руках, и желваки на скулах ходят ходуном. Такое ощущение, что он едва сдерживается, чтобы не ударить. А я сижу на диване, вжав голову в плечи, и судорожно сжимаю ладони между коленями. Если бы не присела заранее, вот честное слово, после услышанного упала бы.

Не ожидала. Совершенно не ожидала такого. Да вообще не думала, что со мной такое когда-то приключится.

Бред! Полная бредятина! Сюр!

– Вить, послушай... – сглатываю непонятно откуда взявшийся ком. Слова проталкиваются с трудом, а мне обязательно нужно сказать, объяснить, что всё это какое-то недоумение. – Ну, не было ничего. Не было. Я даже не собиралась тебе из...

– Заткнись! Просто заткнись и свали уже, – выдыхает он сквозь стиснутые зубы.

Сглатываю и поднимаю глаза, встречаюсь с его ненавидящим взглядом. Молчу. Это сейчас единственно правильная позиция, чтобы не усугублять. Он меня не слышит. Не хочет

слышать и слушать.

Зло цыкнув, он выпрямляется и отходит к окну. Стоит, засунув кулаки в карманы брюк, и перекачивается с пятки на носок. Вижу, что терпение его подводит.

Но я действительно не понимаю, откуда в его голове возникли такие мысли, я ведь никогда даже повода не давала. Всегда с работы сразу домой, если только в магазине немного задержусь. Да и то сразу звонила, предупреждала.

– Мне твои жалкие отговорки не нужны, – рычит муж. А я почти ничего не понимаю, потому что его слова пробиваются в голову сквозь нарастающий звон в ушах. – Я тебе говорил, много раз предупреждал, что не потерплю измен. Лей теперь свой пиздёж в уши ёбарю. И скажи спасибо, что не голую выгоняю.

Сверлю испуганным взглядом его напряжённую спину и опускаю глаза вниз, когда он неожиданно оборачивается. Сжимаюсь в жалкий комочек.

Это всё происходит не со мной! Ну, не может это всё быть правдой.

– Хотя очень хочется, Юн-на, – он цедит моё имя по слогам, выплёвывает, как что-то грязное и недостойное, прожигает ненавидящим взглядом. – Пошла собираться, я сказал! Пока я ещё добрый!

На ватных ногах встаю и ухожу в спальню. Потому что, если останусь, он не выдержит и ударит. Я это по глазам его вижу. По взгляду бешеному, звериному.

В голове шум и непонимание, абсолютное отторжение действительности. Как будто это не со мной происходит. Театр абсурда, не имеющий ничего общего с моей жизнью. С моей обычной жизнью.

Не понимаю, вообще не понимаю, как такое может быть. Только не со мной! Я ведь никогда, никогда...

Открываю шкаф и с минуту тупо пялюсь на аккуратно сложенные на полках вещи. Куда я их буду складывать? У меня и чемоданов-то нет. И сумок дорожных. Я никуда за все годы, что здесь живу, не ездила. Областной город, в котором теперь живёт и учится наша дочь, не считается. Туда мы с Витей ездили на машине одним днём – утром приезжаем к Карине, вечером едем обратно.

Даже летом на море ни разу не выбрались, каждый отпуск у его мамы в деревне проводили. Грядки, скотина, сенокос – маме его ведь помощь нужна по хозяйству, она без мужа справляется столько лет. А мы что же, неблагодарные дети? Нет, конечно.

Вот и брали всегда с ним отпуск в июле и вместе с Кариной целый месяц «на свежем воздухе, на природе», как его мама говорит, оздоравливались. Все двадцать два лета совместной жизни. Ну, кроме того времени, когда Карина родилась. Тогда я вообще первые полтора года в деревне прожила, с его мамой. А Витя – в городе. Он же тогда ещё на юридическом учился и в деревню только на выходные приезжал.

Мы с ним, собственно, в институте и познакомились. Я

в него с первого взгляда влюбилась – он мне тогда таким взрослым показался, серьёзным. С первого дня всё решать за меня начал. И мне даже понравилось, что он опекает меня. Настоящий мужчина... А я рядом с ним такая слабая и беззащитная... Это было так приятно – осознавать себя девочкой-девочкой под защитой властного повелителя...

Вообще, у нас с Витей всё очень быстро завертелось. Мы даже и повстречаться толком не успели. Он на третьем свидании прямо в парке на озере на траву меня завалил, зацеловал и... Я глупая тогда была, только школу закончила, о взрослых отношениях, и тем более о защите во время секса, не задумывалась. В общем, Карина у нас практически с первого раза получилась.

Дверь в спальню открыта нараспашку, поэтому я вздрагиваю, когда слышу, как муж выходит в коридор, позвякивая ключами от квартиры. Или от машины... А может, и теми, и другими вместе...

Он же практически никуда пешком не ходит. Это только я у нас по городу на маршрутках рассекаю, потому что ему ни отвезти меня, ни забрать с работы постоянно некогда. Он до шести работает, а потом то качалка, то какие-то важные мероприятия по работе. А я в семнадцать ноль-ноль на маршрутку бегу, чтобы успеть в магазин заскочить и свежий ужин Витеньке приготовить, в квартире прибраться, стиралку запустить, рубашки погладить...

– Сегодня переночую в гостинице, – слышу его леденя-

щий душу голос. – А завтра вечером чтоб тебя здесь уже не было. Из квартиры чтобы выписалась. И ключи оставь. На развод подам сам. Ты всё поняла?

Последние слова он рычит, но в спальню не заходит. Молча стоит в коридоре и ждёт. А я не могу вымолвить ни слова. Для меня это так унизительно. Как собаку выгоняет. Кажется, если отвечу, вообще тряпкой себя почувствую. Поэтому молчу. Жду с ужасом, как отреагирует.

Его реакция следует незамедлительно.

– Поняла?! – рычит он тише, но от этого мне становится ещё страшнее, и я снова вжимаю голову в плечи.

Слышу тяжёлые шаги. Каждый из них бьёт по голове, как будто молотком в крышку гроба гвозди забивают. Хлопает входная дверь, а затем в замке проворачивается ключ.

Ушёл. Он ушёл. Слава богу.

Выдыхаю и только сейчас понимаю, что всё это время вообще не дышала.

Мой муж – монстр. Как я этого раньше не понимала?

Он же всегда такой был. Авторитарный, бескомпромиссный. Все решения, касающиеся нашей семьи, принимал сам, моего совета или мнения никогда не спрашивал. Куда идти, что делать, что купить, что надеть, с кем общаться... Всегда диктовал условия. Нет, даже не условия – озвучивал своё решение. И у меня прав отказаться не было. Вообще никаких прав не было.

Боже, куда я смотрела, когда с ним связалась? Что же я за

дура такая наивная, деревенская. Хотя Витя тоже из деревни... Наверное, всё же характер не от места рождения зависит.

Отмираю, потому что снова зависла в тихой истерике. Внутри давящая пустота.

Начинаю выкидывать вещи на кровать. Да куда ж мне их складывать? И не то чтобы их много, но даже то, что есть... Может, сходить в «Пятёрочку», пакеты купить? Они там вместительные. Или в мусорные складывать, они тоже, вроде, объёмные... Да, в мусорные... Всю жизнь мою в мусор...

Роняю очередную стопку и обессиленно сажусь на кровать. Вот так, одним движением, одной фразой всю жизнь мою в мусор выкинуть.

И за что?! За что?!

За то, что я к дому на чужой машине подъехала, и подвёзший меня мужчина помог до подъезда дойти?

Как же глупо получилось! Сходила, называется, на работу в новых туфлях. Пятку натёрла и на маршрутку опоздала, а Андрей, мой начальник, просто мимо ехал и на остановке меня увидел, предложил подвезти. Я ему, пока до дома ехали, на туфли пожаловалась. Просто посмеяться, как сейчас обувь для людей делают. Вот он и довёл меня до подъезда. Просто помочь хотел. А в этот момент Витя к дому подъехал. И всё по-своему воспринял.

Даже объяснить не дал. На Андрея коротко зыркнул,

меня под локоть ухватил и чуть ли не волоком затащил в подъезд, а потом и в квартиру. Вот тут-то он мне и показал, где Армагеддон зимует.

Всхлипываю от обиды, поднимаюсь с кровати и иду на кухню. Времени не так чтобы много, чтобы собраться. Может, завтра на работу не ходить? Отпроситься, сказать, что заболела?

Нет, не получится.

У нас же срочный заказ, а у Кристины снова мать с приступом в больницу положили, она там с ней все дни проводит. Плюс Мария Яковлевна с давлением свалилась, сегодня опять не вышла.

Андрей, чтобы успеть, даже Валюшу из отпуска вызвал. Каждый человек на счету. Если вовремя заказ не сдадим, нам меньше заплатят. Вот такая система антипремии: сделал вовремя, получи, как положено, а если задержался с исполнением, хозяину придётся неустойку выплачивать. Но не из своих же... С нас эту разницу высчитает. Сдельщина...

Достаю из ящика рулон с мусорными пакетами. Очень символично. Моя жизнь – мусор.

Продолжая всхлипывать, возвращаюсь в спальню, собираю вещи первой необходимости. Всё ещё надеюсь, что смогу достучаться до мужа, объяснить, что не виновата ни в чём перед ним.

Он же знает, что я никогда и ни с кем, кроме него... Что никогда не смотрела ни на кого. Знает, что он первый у меня

и единственный. Я же всегда ему в рот заглядывала, во всём слушалась.

А то, что поругались... Ну, с кем не бывает, во всех семьях ссоры случаются. Он остынет, мы поговорим, и жизнь вернётся в прежнюю колею.

Иду в ванную, кладу в пакет шампунь, гель для душа, забираю из полки косметичку.

Зависаю над стиральной машиной.

Я же бельё собиралась постирать... У Вити пять рубашек на пять дней недели, но я всегда чистые держу в запас, на всякий случай. У Вити на работе с формой очень строго – деловой костюм и белая, либо молочная рубашка. Вот он их и меняет каждый день. А как иначе? Начальник службы безопасности в администрации должен подавать пример подчинённым.

А вдруг что-нибудь случится? Вдруг он кофе на себя прольёт? Приедет переодеться, а свежей рубашки нет...

Господи, о чём я думаю? Какие рубашки? Мне же сегодня нужно где-то переночевать. Он сказал, когда завтра с работы вернётся, чтобы меня здесь не было...

Только куда мне пойти? К кому? Родители и сестра за тысячу километров живут, друг нет... Только приятельницы и коллеги. Не к ним же, как снег на голову, на ночь глядя свалиться? Да и кто меня пустит, тем более с кучей мусорных пакетов в руках?

Оглядываю набранные пакеты. Я как бомж. За всю жизнь

своего угла не заимела. Квартира Витина – от бабушки ему досталась, так что я здесь никаких прав не имею. Хотя и не получила юридического образования, но не совсем уж я и дура, кое-какие законы знаю.

Я ведь приехала в этот город на юридический поступать. За тысячу километров забралась, потому что только здесь подешевле было и можно было платить помесечно.

Поступила и даже успела полтора месяца отучиться, а потом узнала, что беременна. Витя тогда не очень обрадовался, и я переживала, что бросит меня, беременную. Об аборте даже не думала, но и с какими глазами к родителям возвращаться, не представляла.

Но бабка его, у которой он жил, хоть и строгая была, но честная и справедливая. Она настояла, чтобы внук женился, раз уж отросток свой в штанах удержать не смог. Так ему и сказала, когда в окошко услышала, как я её внуку, краснея и бледнея, возле подъезда признавалась, что у меня задержка две недели.

Витя бабку недовольным взглядом одарил, но перечить не стал. Мы просто сходили и расписались.

Жить стали у той же бабки. Она в спальне обитала, а нам зал отдала – он по размерам больше, и места хватало, чтобы для ребёнка кроватку поставить.

Токсикоз у меня был страшный, я первую половину беременности пластом лежала, есть ничего не могла, а потом меня с тонусом в больницу положили. Поэтому учёбу при-

шлось бросить.

А когда Карина родилась, я и вовсе с ней в деревню к его маме уехала. Это тоже бабка настояла. Что новорождённому, что кормящей мамочке лучше жить на свежем воздухе.

Витя же продолжил учиться – мать хоть и одна его растила, но отсутствием денег никогда не страдала, потому что и хозяйство держала, и самогоном в деревне подторговывала. Да и бабка помогала. Я ей за это очень благодарна всю жизнь была. Вообще считала, что мне со Степанидой Антоновой очень повезло. Поэтому, когда я в город вернулась, чтобы Карину в садик устроить, а бабка неожиданно слегла, я не смогла на учёбу вернуться. Ухаживала за лежачей почти два года. Витя в это время как раз заканчивал институт.

Степанида Антоновна умерла, оставив квартиру Вите, как единственному внуку. Карине как раз три года исполнилось, я её в садик отдала – очень вовремя наша очередь подошла.

Вот тут бы, казалось, можно было и мне на юридический вернуться, хотя бы заочно, но Витя решил, что мне это не нужно, потому что на одну его зарплату с маленьким ребёнком жить тяжело, а за «заочку» платить нужно. Да и у матери его сколько можно на шее сидеть? Одно дело, студента на плаву держать, и совсем другое – взрослую здоровую семью.

Я с доводами Вити, конечно, согласилась и устроилась на работу. Без образования стать кем-то бóльшим, чем продавец или уборщица, возможности не было. Может, где-то кто-то и смог, но только не в нашем городе.

Помыкавшись по частникам, через год я окончательно убедилась, что цивилизация до нас не дошла, и город навсегда застрял в суровых девяностых. Каждый тянул одеяло на себя, и глупые отговорки, что ты не воровал и понятия не имеешь, откуда взялась нехватка, не принимались. И все «минусы» после очередной ревизии высчитывались из зарплаты.

Тогда Витя и решил, что в торговле мне делать нечего, и я пошла на производство. Цех, где я работала, тоже принадлежал частному лицу, но здесь нам платили каждую неделю. Сколько своими руками сделаешь, за столько в конце недели и получишь. Если, конечно, намеченный план выполнишь.

В наш дом наконец-таки пришла хоть какая-то стабильность, и Витя начал откладывать деньги на покупку первой машины.

В общем-то, жили мы не хуже и не лучше большинства других семей. Обычная среднестатистическая жизнь. Мы работали, Каринка росла. Школа, репетиторы, поступление на бюджет. Дочка у нас вообще умница. После второго курса устроилась на работу. Умудряется совмещать её с учёбой. Конечно, мы помогаем ей, но теперь всё стало намного легче.

Казалось бы, живи и радуйся. Дом – полная чаша, любимый муж, замечательный ребёнок.

И вдруг это...

Что вообще на Витю нашло?

Да, он всегда ревнивый был. Но не до такой же степени!

Он и раньше допросы с пристрастием устраивал, стоило где-то задержаться и не предупредить, но всегда давал шанс объясниться и никогда вот так из дома не выгонял. Как собаку безродную...

Даже ведь слушать не стал!..

Прижимаю к груди мусорный пакет с вещами. Слёзы текут бесконтрольно.

Как так?.. Почему?.. За что?..

Истерику останавливает телефонный звонок.

Пялюсь на экран, вообще не понимая, кто звонит.

Принимаю вызов и срывающимся голосом хриплю:

– Алло?..

От автора

Мои дорогие,

эта история для меня уже прожита, для вас же она только начинается.

В её основе судьбы двух реальных женщин. Разных, но одинаково сильных.

Одну после развода муж выставил на улицу, и ей пришлось снимать комнатку в доме под снос. Вторая, беременная третьим ребёнком, осталась одна в непростые годы тотального дефицита.

Они прошли через многое – куда больше, чем вошло в книгу.

Я смягчила жёсткие моменты. Добавила немного света. Но главное осталось неизменным: они выстояли. Потому что рядом появились люди, протянувшие руку помощи. И мужчины, не испугавшиеся трудностей, по достоинству оценившие их добрые сердца и сделавшие выбор в пользу любви и счастья.

Глава 2

– Юночка, добрый вечер.

Слышу голос. Он мне знаком. Но то ли от шока, в котором нахожусь, то ли от до сих пор не прошедшего звона в ушах, не узнаю его. Отнимаю телефон от уха и сквозь слёзы пытаюсь рассмотреть, что написано на экране. Буквы плывут, и я ничего не вижу.

– Алло, кто это?..

– Юночка, это Мария Яковлевна. Детка, ты что, меня не узнала?

Мария Яковлевна, моя коллега по работе. Бабушка, божий одуванчик. Мы с ней за соседними столами сидим. Она молча работать не умеет, поэтому постоянно мне о своих внуках или кошках рассказывает. Но вне работы обычно не звонит.

– Да... Извините, Мария Яковлевна, – хриплю в трубку и пытаюсь собраться. – Что-то случилось?

Не хочу, чтобы она слышала, в каком я состоянии. Кому нужны чужие проблемы? Всем своих хватает.

– Ой, Юночка, – вздыхает женщина, – Ничего особенного. Опять давление скачет. Я Андрюшеньке звонила, предупредить хотела, что если не оклемаюсь, завтра опять не смогу на работу выйти. Только он трубку не берёт. Вот, хотела тебя попросить, чтобы ты ему передала.

Она снова вздыхает, а я прочищаю горло и вытираю нос ладонью.

– Хорошо, я предупрежу. Не волнуйтесь, пожалуйста. Выздоровливайте.

Хочу отключить звонок, но слышу озабоченный голос:

– А у тебя-то всё в порядке? Ты, случаем, не заболела? В нос разговариваешь и сипишь.

– Нет. Нормально у меня всё.

И в этот момент окончательно срываюсь. Кладу телефон рядом с собой, закрываю лицо руками и рыдаю в голос. На очередном витке истерики понимаю, что звонок я не отключила, и всё это время Мария Яковлевна пытается меня дозваться.

Подношу телефон к уху, пытаюсь извиниться и попроситься, но женщина меня не слушает, постоянно спрашивая, что случилось, и чем она может помочь. И я сама не понимаю, как вываливаю на неё свалившееся на меня несчастье.

– Ой, – причитает женщина, – вот гад-то какой! Да как же он на тебя такое мог?.. Да по тебе же сразу видно, что ты девочка домашняя, хорошая. Ой, мужики, что же им спокойно-то не живётся?.. Всего же в жизни хватает – и жена красавица, и дочка умница, и сам всегда чистый-наглаженный ходит.

Мария Яковлевна знает, о чём говорит. Она живёт через двор от нас, и её окна как раз выходят на наш подъезд. Поэтому она хоть и не в курсе наших с Витей отношений, но

кто как выглядит и на чём ездит, в окошко часто видит. Не то чтобы она любопытная слишком, но живёт одна, не считая трёх кошек, поэтому вечера периодически проводит у окошка.

Снова пытаюсь извиниться и отключить звонок. Не хочу выслушивать слова сочувствия, не хочу, чтобы меня жалели. От этой жалости только больнее становится. А мне сейчас нужно собраться. Не только физически, но и морально. Нужно понять, где ночевать буду.

Тоже, что ли, как и Витя, в гостиницу поехать? Ну да, квартира есть, а муж с почти бывшей женой в гостинице в соседних номерах ночуют.

Нет, не поеду...

Вдруг действительно совершенно случайно в одной гостинице окажемся и утром в коридоре столкнёмся. Я же в глаза ему смотреть не смогу, хоть и невиновна. Просто больше не выдержу полный ненависти взгляд, разрыдаюсь. А мне ещё день работать. Вот ещё и у Марии Яковлевны давление. Если она не придёт, да ещё и я, Андрею в пору будет на первом столбе вешаться. Мы и так план едва вытягиваем.

Поэтому лучше уж я квартиру посуточно посмотрю. Дорого, конечно, но других вариантов нет.

И тут коллега, будто услышав мои размышления, выдаёт:

– Юночка, а тебе есть, куда пойти? К родственникам каким?

– Нет у меня здесь родственников, – отвечаю, – но вы не

переживайте, я разберусь. И на работу завтра выйду. Андрею передам, что вы приболели. До свидания, Мария Яковлевна.

Вот только женщина заканчивать разговор не собирается, останавливает меня фразой:

– Хочешь, ко мне приходи. Время-то уже позднее, не на вокзале же тебе ночевать.

Отказываюсь. Не хочу стеснять её. Да и разговаривать ни с кем не хочу. Лучше одной полночи в подушку провыть. А с Марией Яковлевной это вряд ли получится. Насколько я помню, она в однушке живёт.

Но моя коллега – человек старой закалки, поэтому так просто тоже не отступает. И, кроме того, очень сердобольная, иначе бы кошек на помойке не подбирала.

– Ну, не хочешь ко мне, давай тогда хоть у Лёшки моего переночуешь. Он сейчас на вахту уехал, дней через десять вернётся.

Лёшка – это любимый внук. Парень давно уже взрослый, но до сих пор неженатый. Насколько я помню по рассказам, он живёт в семейной общаге на соседней улице. Мария Яковлевна на внука своего надышаться не может. Он ей постоянно помогает – и по дому что приколотить, и продукты какие купить. И ругается на бабушку часто, что она до сих пор работает. Только, как объясняет сама коллега, дело вообще не в деньгах – на работе она всегда при деле и с людьми, а это какой-никакой – жизненный тонус. А дома она одна быстро зачахнет. Это всё по её словам.

– Нет, спасибо. Не хочу доставлять вам неудобства, – продолжая отнекиваться, но она меня по-прежнему не слушает.

Если Мария Яковлевна решила нести добро в мир, против этого паровоза уже не попрёшь. Она и на работе такая, всем норовит помочь и подсобить. Поэтому я снова не понимаю, в какой момент соглашаюсь хотя бы просто переночевать в Лёшкином блоке.

– Ну вот, а ты всё ерепенилась, – ласково журит меня женщина, открывая блок запасными ключами. – Переспишь здесь ночку, успокоишься. А там, глядишь, муженёк твой и одумается, позвонит да назад позовёт. Помиритесь ещё. Они, мужики, хоть и заходные, а отходчивые. Пашенька мой покойный тоже, бывало, на меня кричал, а потом извинялся, на коленях за мной ползал, руки целовал. Я тебе вот что, девонька, скажу: чем сильнее ссора, тем слаще потом мириться.

Она входит в маленькую прихожую и ставит на пол мусорный пакет, в котором заключается четверть моей новой жизни. Ещё три пакета у меня в руках. Всё, что сумела собрать. Я ведь тоже надеюсь, что Витя одумается, поймёт, что слишком погорячился. Позвонит и извинится, скажет, чтобы возвращалась. И всё в нашей жизни наладится.

Я очень этого хочу. Мы же никогда ещё так сильно не ругались. Точнее, он никогда так сильно не ругался на меня. Да и люблю я его, несмотря ни на что. Как влюбилась, впервые увидев, так и не разлюбила. За ним столько девчонок бегало

– высокий, красивый, широкоплечий, глаза тёмные, жгучие, а волосы чёрные, – кто бы перед таким устоял? Вот и я не устояла. Он мог любую охмурить, а выбрал почему-то меня. Он на третьем курсе тогда учился, а я только поступила. В первый же день после занятий как увидела его в городском парке, куда пришла с однокурсницами, так и пропала.

Я его спросила потом, почему я, ведь вокруг столько городских, красивых, модных и на всё согласных. А он почему-то меня, обычную деревенскую девчонку в старых потёртых джинсах, на свидание позвал. Витя тогда так романтично ответил, что именно из-за джинсов и позвал. Я ему такой испуганной и потерявшейся показалась, что очень захотелось меня защитить ото всех и себе забрать. Сказал, что я на сказочную принцессу похожа, которую каждый обидеть может. А он этого никому не позволит.

После такого признания я, кажется, влюбилась в него ещё больше. Так влюбилась, что на третьем свидании даже и не сопротивлялась, когда он с меня эти джинсы стаскивать начал. Я тогда ему не только девственность была готова отдать, а вообще всё, что у меня было – жизнь, сердце, душу.

Он даже и не понял вначале, что первый у меня, пока я не закричала. Тогда только свой бешеный напор остановил. Замер и в глаза начал вглядываться.

– Ты что, ещё девочка? – и столько непонимания во взгляде. – Что ж ты, дура, не предупредила? Сильно больно?

А я только слёзы по щекам пальцами размазала и за поце-

луем потянулась. Потому что – да, грубо сказал, но мне его слова такими заботливыми показались. Сама ведь виновата, действительно не предупредила.

Дальше он уже нежнее был. Входил в меня медленно и постоянно в глаза заглядывал, шептал, спрашивал, всё ещё больно или уже нет.

Конечно, было больно, хоть и не так сильно. Но я терпела и отвечала, что всё хорошо.

А потом он перестал сдерживаться, сжал меня сильно и стал вдавливать, рыча и прикусывая мне шею и ухо, пока не замер, тяжело дыша и навалившись сверху.

В общагу я вернулась за пять минут до того, как вахтёрша закрыла двери на ночь, и сразу легла спать. Вот только мне не спалось. перевозбуждённый мозг долго прокручивал всё, что произошло на озере, а ещё внизу саднило. Терпимо, но неприятно. И всё равно я ни о чём не жалела. Потому что влюблена была как кошка. И сейчас влюблена. Только очень обидно. Потому что никого, кроме него, рядом с собой никогда не представляла.

Пусть в последние годы секс в нашей постели стал достаточно редким гостем, но я ни разу даже не помыслила найти кого-то на стороне. Я хотела только его, своего любимого мужа.

Он же не виноват, что нагрузка на работе увеличилась, плюс ещё возраст давал о себе знать, и чтобы поддерживать тело в должной форме, Вите приходилось, как минимум, три

раза в неделю проводить в качалке.

На работе с этим у них всегда было строго. Кому понравится безопасник с пузом, торчащим как у женщины на последнем триместре беременности? Поэтому частенько муж возвращался домой выжатым как лимон, и всё, на что у него сил хватало – поужинать да немного покопаться в интернете.

– Ну вот, тут у него ванна с туалетом совмещённые, – врывается в воспоминания голос коллеги, и я понимаю, что Мария Яковлевна мне что-то объясняет, а я её даже не слышу. – Впереди кухонька, а слева комната, – продолжает женщина, и я киваю, чтобы не казаться совсем уж неблагодарной. Она выход из положения нашла, возится со мной, а я... – Я тебе сейчас чистое постельное достану. У Лёшки кровати нет, места мало. Диван расправишь, на нём и поспишь.

Вхожу вслед за ней в зал, который одновременно и спальня, и осматриваюсь. Честно говоря, ещё по дороге сюда мелькала мысль, на что может быть похоже жилище холостяка. Представляла себе пыль до потолка, разбросанные по углам носки, возможно даже пустые бутылки или бычки. Но последнюю мысль отмела, потому что, по словам Марии Яковлевны, внук её не пьёт и вообще это дело не уважает.

Но в комнате оказалось на удивление чисто. Новый современный диван, напротив на стене плазма, в углу у окна комод, а слева – большой зеркальный шкаф. Тонкий прозрачный тюль колыхается от небольшого ветерка, проникающего в щель оставленного на проветривание окна.

Вот и вся обстановка. Кажется, Лёшка предпочитает минимализм.

И нигде ничего не валяется.

Вспоминаю, что и на кухне, куда мы мёльком заглянули, не видела грязной посуды.

Пока женщина достаёт из комода чистое постельное бельё, присаживаюсь на уголок дивана.

– А внук ваш не будет против, что я здесь ночую?

– А с чего ему быть против, когда его самого тут нет? – она кладёт передо мной цветную стопку. – Вот, заправишь сама. Подушка и одеяло в диване.

– Но всё равно... Это же как-то неприлично. Хозяина нет, а я без его разрешения... – мнусь, не зная, как объяснить. – Это как если бы к вам или ко мне, пока нас дома нет, пришёл кто-то незнакомый и спать завалился. Всё равно же койка свободна.

Конечно, я переживаю. Чужой дом, неизвестный хозяин. Хоть Мария Яковлевна и сказала, что его ещё десять дней не будет, а я завтра, возможно, уже домой вернусь, но всё равно... Это как-то неправильно.

Но что-то я поздно спохватилась. Пока сюда шли, даже не думала об этом. А сейчас вот накрыло осознанием. Наверное, по дороге я всё ещё не в себе была, а незнакомая обстановка хоть немного привела в чувство.

– Да не переживай ты, – беспечно отмахивается женщина, – я его предупрежу. Скажу, что девочка хорошая, просто с

временными проблемами. Да он и не против будет. Лёшка ж у меня парень мировой. Ты не первая, кто у него так же ночует.

– Как это, не первая? – кажется, такое объяснение выбивает меня из колеи.

– Да бывает, дружок его здесь ночует, – вздыхает она. – Хороший парень, вот только с семьёй не повезло. Жёнка его периодически из дома выгоняет.

– Пьёт? – спрашиваю, просто чтобы поддержать разговор.

– Кто? Илюша? – Мария Яковлевна тут же хватается за мой вопрос. Всё-таки скучно ей жить с тремя кошками, с ними много не поговоришь. Да и меня её болтовня, кажется, от собственных проблем отвлекает. – Да не. Не пьёт.

– А что тогда?

– Да кто её поймёт? Говорит, зарабатывает мало.

– Разве за это из дома выгоняют? Я тоже не сильно много зарабатываю, но Витя никогда...

Ну вот, опять о нём вспомнила, и внутри всё перевернулось. Как он мог так со мной? За что?..

Всхлипываю, пытаюсь удержать слёзы.

– Ой, зря я об этом заговорила, – всплёскивает руками женщина. – Ну-ну, милая, не плачь. Помиритесь, куда он денется от такой красавицы.

Она подходит, присаживается рядом и долго-долго гладит меня по голове. А я рыдаю, и никак не могу выплакать всю боль, горечь и обиду несправедливых обвинений.

Мария Яковлевна что-то шепчет, забалтывает меня, заговаривает, не даёт мыслям в одиночестве бродить. Я затихаю, и только тогда она собирается домой.

Напоследок женщина снова даёт наставление не плакать и не надумывать ситуацию. Обещает, что уже завтра к вечеру всё изменится, и я обязательно буду счастлива, даже больше, чем прежде.

Она уходит, потому что уже достаточно поздно, а у неё кошки не кормлены, да и спать давно пора. Про давление своё она, кажется, уже и забыла, поэтому завтра договариваемся ехать на работу вместе.

Закрываю дверь за добросердечной коллегой, беру пакет с гигиеническими принадлежностями и иду в ванную. Там ещё долго отмокаю, снова плачу и вылезаю из воды, только лишь когда понимаю, что она совсем остыла.

В комнате задёргиваю шторы, потому что второй этаж, и мне совсем не хочется стать театром одного актёра для случайных прохожих. Снимаю халат, натягиваю шорты и майку, которые каждое лето заменяют мне пижаму, расстилаю диван, ложусь и закутываюсь в пододеяльник.

Уткнувшись носом в подушку, долго вдыхаю запах незнакомого кондиционера. То ли лимон, то ли грейпфрут. Уже много лет я предпочитаю лёгкий цветочный аромат, но эта тонкая нотка кислинки неожиданно мне нравится. Да и запах очень символичен – столько лет мне было сладко, а теперь вот стало кисло.

Снова хочу плакать. Но мне завтра на работу. Точнее, уже сегодня. Поэтому собираю нервы в кулак, проверяю будильник и запрещаю себе думать. Лежу на животе, обняв подушку двумя руками, и считаю овец.

На двести тридцать седьмой начинаю сбиваться и путаться, а на двести шестьдесят третьей меня, наконец, вырубают.

Глава 3

Утром подскакиваю со звонком будильника, оглядываюсь и в первый момент не могу понять, где нахожусь. Голова как чугунок – и гудит, и пустая одновременно.

Но потом воспоминания возвращаются.

Прогоняю их. Запрещаю себе думать и анализировать. У меня сейчас другие приоритеты.

Встаю и отправляюсь на кухню.

Вчера не рассматривала, не до того было, а сейчас с удивлением обнаруживаю, что в маленьком семейном блоке можно запросто организовать однокомнатную квартиру. На четырёх квадратных метрах кухоньки есть всё: электрическая плита, мини-холодильник, микроволновка, раковина, стол-тумба, шкафчики для посуды и круп. И даже столовая зона. Конечно, всё очень компактное, но для одного человека места вполне достаточно.

Подключаю электроплиту, ставлю чайник и иду в ванную. Не разрешаю себе смотреться в зеркало. Сначала приведу себя в порядок, а потом буду решать по факту.

Если сейчас увижу, до чего себя вчера довела, боюсь, мой организм не выдержит и снова сорвётся, потому что глаза и нос даже наощупь опухшие, а губы так и вовсе напоминают перекачанную пельмешку. Я же, вроде, губами не плакала.

Наверное, распухли от соли.

И да, я всё помню.

Все слова, которыми муж меня вчера унижал, взгляды, которыми «одаривал»... И как хотел поднять на меня руку. Хотел, но не поднял. Вот только я чувствовала, скольких сил ему это стоило.

Запрещаю себе об этом думать. Мне ещё целый день работать. И параллельно искать место для дальнейших ночёвок. Для дальнейшей жизни.

Не знаю, как дальше поведёт себя Витя, но не буду же я на коленях перед ним ползать, вымаливая прощение за то, чего не было. И Андрея унижать не буду просьбой позвонить моему мужу и объяснить, что ничего такого между нами не было и нет. А как ему иначе доказать, что я не изменяла?

Если я нужна Вите, он сам меня найдёт. Позвонит или приедет на работу. Хоть один раз в жизни отменит свою качалку, отпросится с работы пораньше и приедет.

А если нет?..

А если нет, значит, не очень-то я ему и нужна. Значит, и не было у него ко мне никакой любви. И если бы не Карина, то мы бы, возможно, даже не поженились. Кто теперь знает? Время назад не отмотаешь, не спросишь.

Чищу зубы, от злости царапая щёткой дёсны.

У меня в голове с утра как будто бы всё на свои места встало.

Что же я за дура такая, а? Столько лет не видела, что он

ко мне как к половой тряпке относился, за человека не признавал. Если бы он так на меня накричал ещё лет двадцать назад, может, уже тогда мои мозги на место встали? Или это кондиционер лимонный мне мозги прочистил? И почему я раньше такой не купила?

Это ещё Витина мама и Карина не знают, что он меня из дома выгнал. А ведь женскую солидарность никто не отменял. Конечно, я им звонить и жаловаться не буду, но, если он не одумается, им всё равно всё станет известно.

У меня свекровь добрая, хорошая. Всегда за меня заступалась перед Витей, помогала, чем могла. Да и до сих пор помогает. Мы от неё после каждого летнего отпуска полную машину мяса, овощей и фруктов везём.

Да и Карина... Тоже ведь доченька моя любимая, не позволит меня обижать. Так что правильно Мария Яковлевна говорит, он ещё передо мной на коленях будет ползать и руки целовать. А я буду нос воротить и думать, хочу ли я прощать и снова с ним жить.

Распаляю себя всё больше и больше, пока пью чай.

Мне эта злость нужна.

Мне ещё целый день продержаться на работе надо, а в перерывах найти новое жилище. Не могу же я действительно все десять дней до приезда хозяина жить в его квартире.

Что бы ни говорила Мария Яковлевна, а всё равно это неправильно и неудобно.

Поэтому решаю для себя в течение дня найти любое ма-

ло-мальски приемлемое жильё, а вечером забрать отсюда свои мусорные пакеты и вернуть коллеге ключи.

Обуваю кроссовки, выскакиваю в коридор, закрываю квартиру и бегу на остановку.

И всю дорогу продолжаю себя накручивать.

Моя жизнь – не помойка! Я никому не позволю так себя со мной вести, даже любимому мужу.

Хватит! Надоело!

– Юночка, доброе утро.

Мария Яковлевна уже стоит под затемнённым стеклянным навесом, скрываясь от ярких солнечных лучей июньского солнца.

– Доброе, Мария Яковлевна.

Подхожу, улыбаюсь в ответ на улыбку женщины и понимаю, что это не так уж и трудно. Всё-таки не зря себя целый час накручивала. Работает моя установка!

– Деточка, у тебя хорошее настроение. Это радует.

Киваю.

– А как ваше давление?

– Да что ему будет, – отмахивается женщина. – Лёша сказал, что сейчас высокая солнечная активность, вот меня и штормит.

– Ой, – слышу знакомое имя и вспоминаю: – А вы его предупредили про меня?

Женщина улыбается и кивает.

– Предупредила. Только я же тебе говорила, он не будет

против.

– Спасибо вам, – бормочу смущённо. – Я сегодня поищу, куда переехать.

– Да что ты, милая, – возмущается коллега. – Я же тебе говорила, живи тут пока. Сейчас снимать очень дорого, а у тебя вряд ли лишние деньги есть.

Ответить не успеваю, поскольку подходит наш автобус. Маршрут востребованный, поэтому трамбуемся внутри, плотно прижимаясь друг к другу. Раньше было такое выражение: «как селёдки в бочке». Так вот, каждое утро ощущаю себя одной из таких селёдок.

Не понимаю, почему хотя бы по утрам не могут пустить ещё один автобус? Людей реально не продохнуть. Хотя, автобусы опять-таки частные, а частникам так выгоднее – расходов на бензин меньше, а на работу всем нужно попасть вовремя, поэтому с воплями и возмущениями всё равно лезем в маршрутку и едем, практически лёжа друг на друге.

На работу приезжаю взъерошенная и немного побитая. Водитель резко затормозил на светофоре, и кто-то нечаянно приложил меня локтем в бок.

Зато взращённая за утро злость на Витю заиграла новыми красками. Он-то на автобусе уже почти двадцать лет не ездит. Не по статусу. Его царская жопа до работы в комфорте доезжает, на личной машине, а я...

Вот оно – очередное доказательство его «любви»! Мы утром выходим одновременно, мог бы на работу меня во-

зить. Но ни разу не отвёз! Видите ли, в сторону моей работы могут возникнуть пробки, а ему никак нельзя опаздывать.

Пробки в районном городе с населением почти сто тысяч человек? Ну да, как в Москве, почти девять баллов! А может даже и все двенадцать!

Если он действительно соберётся со мной разводиться, хрен он у меня просто так выкрутится – отдаст мне долю за своего «мустанга», как он его ласково называет. Вот и посмотрим, кого он больше любит, меня или машину. Если он меня вообще любил.

Злой задор подстёгивает, поэтому работаю очень быстро. К двенадцати часам Андрей делает предварительные подсчёты.

– Юн, в тебя сегодня как будто бес вселился. На пятнадцать процентов норму обгоняешь, – хвалит начальник, остановившись перед моим столом. – Если все так работать будут, может даже смогу премию у Александра Викторовича выбить.

– Ой, Андрюша, какая премия? Тут бы как положено успеть, – смеётся Настя, ловко запаковывая готовую продукцию в коробки.

– А ты поменьше курить бегай, да побыстрее шевелись, тогда успеть будут все шансы, – он окидывает девушку многозначительным взглядом, и та недовольно поджимает губы.

Ну да, есть у Насти такой косяк – как уйдёт курить с телефоном, так и возвращается минут через пятнадцать. Андрей

даже как-то раз пригрозил ей отбирать гаджет на входе, как в школе.

– Андрей Александрович, а вот это пятнышко браком считается? – отвлекает начальника Милана.

Она у нас мало того, что новенькая, так ещё и школьница – пришла на лето подработать. Поэтому мы всем цехом взяли над Миланой негласное шефство – помогаем, подсказываем. Пусть ребёнок к труду привыкает, каждой заработанной копейке цену знает. Не всё же у мамки на шее сидеть. Это так наши бабоньки между собой шепчутся.

Андрей отходит от моего стола и направляется к Милане, а я ловлю горящий любопытством взгляд Насти.

– Что? – спрашиваю одними губами и вопросительно приподнимаю брови.

– Юн, а ты с ним, – Настя глазами указывает на спину начальника, – мутки мутишь, что ли?

– Чего?

У меня глаза от удивления на лоб лезут. Что за бред?

– Ну, я слышала, как он утром спрашивал, всё ли у тебя в порядке.

Да, было дело.

Утром, едва мы с Марией Яковлевной и другими женщинами вошли в цех, ко мне тут же подошёл Андрей и спросил, всё ли у меня в порядке, уж больно гневный взгляд у моего мужа был, когда он нас вдвоём увидел. Я ответила, что всё нормально, и он больше с вопросами не приставал.

– Насть, ну а тебе-то какое дело? – влезает в разговор Мария Яковлевна, прежде чем я успеваю сообразить, что делать: давать отпор или оправдываться. – У тебя своей личной жизни нет, или в принципе заняться нечем? Ну так займись работой. Всё-таки правильно тебя Андрей Александрович ругает.

– Да я просто спросила, – фыркает девушка и отворачивается.

– Ну так теперь просто и поработай, – добивает её коллега. Я молчу. Спор обо мне разрешился без моего участия. Стоит ли его продолжать?

Зато теперь возникла другая проблема – обедаем мы обычно в кухонной зоне, где стоит холодильник, микроволновка и столы со стульями. И я рассчитывала во время обеда найти хотя бы несколько адресов и созвониться с владельцами сдаваемых квадратов.

Ну и как мне теперь это делать при Насте?

Она же не в курсе, при каких обстоятельствах мой муж застал меня с моим начальником. Поэтому, услышав, что я ищу съёмную квартиру, обязательно сделает собственные выводы и разнесёт их по всему цеху.

А наш цех – это просто бабье царство с неизменными сплетнями и змеиными языками. Напоминает лавочки во дворах времён Советского Союза, или деревенский магазин, куда наши бабы ходили не столько за продуктами, сколько за свежими сплетнями.

Мысленно прикидываю, во сколько мне обойдётся обед в кафешке напротив и понимаю, что проще купить булочку и сесть на лавку на ближайшей автобусной остановке.

– Ну всё, девчули, бросайте это гиблое дело. Пора обедать! – раздаётся через некоторое время довольный возглас Светланы Дмитриевны, дородной женщины лет пятидесяти, и мы все потихоньку начинаем рассасываться в разные стороны – кто-то сразу на кухню, кто-то в туалет, а кто-то – сначала покурить, ибо «некурящий курящего не поймёт».

– Юночка, ты это куда? – окликает меня Мария Яковлевна, когда я вслед за курильщиками отправляюсь в сторону выхода.

Останавливаюсь и разворачиваюсь.

– А я сегодня обед не брала, сами понимаете, – шепчу, заговорщически понизив голос. – Пойду булочку куплю да прогуляюсь. Погода хорошая, мозги надо проветрить.

– А-а, – понятно кивает коллега. – Ну иди-иди, погода действительно хорошая.

Быстро выхожу на улицу и иду в сторону магазина. Про булочку я не соврала. Последний раз ела вчера в обед, поэтому желудок давно уже к спине прилип.

Всё-таки хорошо на меня злость действует, даже аппетит вернулся.

Купив политую сладкой глазурью косичку и маленькую бутылку кефира, возвращаюсь на остановку и открываю сайт по сдаче квартир в наём.

Пролистываю объявления и мысленно присвистываю. Это же откуда они такие цифры берут? Семнадцать плюс коммуналка, двадцать пять плюс счётчики... Мама родная, я же не «трёшку» смотрю, а «однушку»! Ну да, я понимаю, с ремонтом и все дела, но у них что, откосы позолотой покрашены, а потолок лепниной отделан? Мы же не в столице! И даже не в её пригороде!

Господи, как же я отстала от жизни!

Снижаю планку и ищу семейные блоки.

Не намного лучше... Тысячи на три.

Офигеть!

Я же почти всю зарплату буду отдавать за съём. А мне ещё и самой на что-то жить надо, и Карине отправлять. Я всё понимаю, Витя будет ей и дальше помогать, но я же мать!

Это что же получается, от меня действительно всю жизнь никакой пользы не было?

Я же работала...

Ну да, зарплата не сравнима с Витиной, но ведь у меня и образования нет, чтобы на что-то рассчитывать. И в торговле оставаться, хоть там зарплаты и повыше, он мне запретил. Но за это я ему даже благодарна. Не с моим характером за прилавком стоять, а потом за недостачи, в которых я не виновата, отвечать.

С тоской пролистываю объявления и понимаю, что я конкретно так влипла. Работать на предельной скорости, как сегодня, я ещё какое-то время смогу. Но человек – не робот. У

меня уже сейчас мышцы на руках болят, плечи тянет, пальцы ломит от скорости.

Ну, предположим, домашних обязанностей у меня теперь нет, ухаживать не за кем, обихаживать тоже некого. Поэтому смогу работать в выходные. А это уже дополнительный заработок. Но даже так от моей зарплаты будет мало что остаться.

Долистываю объявления до конца и поднимаю глаза к небу.

Что делать?

Противный червячок нашёптывает в ухо позвонить Вите и потребовать поговорить.

Потребовать, да...

Скорее, попросить высочайшего разрешения объяснить ситуацию.

Вот тебе, Юнна, и настоящая жизнь. Хотела быть девочкой-девочкой под опекой могущественного повелителя? Вот там ты и была больше двадцати лет. Не хотела становиться самостоятельной, позволяла, чтобы за тебя все решения принимал кто-то другой, получай теперь результат. Ты абсолютно несамостоятельная, неумеющая принимать решения и ничего в этой жизни не добившаяся сорокалетняя женщина с дочерью-студенткой, маленькой зарплатой и отсутствием личного угла.

А повелитель твой, на которого ты всю жизнь полагалась, с гнильцой оказался. Слил тебя. Выкинул из своей жизни,

как только ему что-то причудилось, и даже не озадачился, как, на что и где ты теперь жить будешь.

Ах, ну да, у меня же есть «любовник». Как там Витя сказал? Ёбарь. Значит, есть, кому обо мне позаботиться.

В расстроенных чувствах бреду обратно к цеху, уже почти смирившись с положением дел. Да, я полностью зависима от мужа. Он это знал и отлично этим пользовался.

И что теперь? Всё-таки идти к нему на поклон? Доказывать, умолять, взывать к рассудку?

Боже, как это унижительно.

Уже практически входя в открытую по случаю летней жары дверь, неожиданно даже для самой себя оглядываюсь и, как в замедленной съёмке, наблюдаю за проезжающей мимо меня машиной. За любимым «мустангом» моего мужа, за рулём которого, собственно, он и сидит.

В том, что он посреди белого дня едет по городу, ничего удивительного нет – Витя не привязан к одному месту, и по работе его вполне могут отправить куда-нибудь съездить.

Но есть во всей этой картине кое-что неправильное – блондинистое пятно, которое очень мило льнёт к моему мужу и тянет к его лицу ярко-алые губы.

И я могла бы сказать, что это просто дама из администрации, которую он везёт по рабочим делам и которой нужно срочно сообщить моему мужу какой-то рабочий секрет. Именно поэтому она и тянется к его уху, боясь, что их подслушают, хотя они в машине одни.

Но!

Я в этом году уже два раза отстирывала его рубашки от такой же яркой помады. Один раз на воротнике, а второй – на груди.

И что мне, помнится, он тогда сказал? Ах да, что у местного депутата была выездная встреча, на которой моему мужу вместе со вторым человеком из охраны пришлось оттеснять толпу возмущённого народа, состоящего преимущественно из бабулек и женщин предпенсионного возраста. Видимо, там кто-то из них его и мазнул.

Ну да, а он, по всей видимости, в отместку спёр эту помаду у возмущённой бабульки! Больно она ему понравилась. Помада, а не бабулька. И подарил украденный трофей вот этой блондинистой су... даме. Ведь гораздо интереснее слушать секреты, доносящиеся из чего-то рта, накрашенного именно этой помадой.

Провожая исчезающую за поворотом машину растерянным взглядом.

Вот тебе и ответ, Юнна. Твоему мужу и без тебя неплохо живётся. И уже довольно давно.

Как думаешь, нужны ему твои объяснения и заверения в вечной любви? И как скоро он приползёт к тебе на коленях?

Ах да, ещё один, самый важный вопрос: зачем ему ты, если ярко-алые помады тебе не идут?..

Глава 4

– Юночка, что-то случилось? На тебе лица нет. Как с обеда вернулась, такая бледненькая, молчаливая. Муж, что ли, позвонил? Опять ругался? – Мария Яковлевна заглядывает в глаза, что-то пытается в них прочесть.

Вижу, что ею двигает не любопытство, а беспокойство, но всё равно молча качаю головой и отворачиваюсь к окну. Смотрю на проплывающие мимо старые двухэтажки и уже успевшие запылиться тополя. И думаю, думаю, думаю...

Муж – объелся груш...

Как ни крути, а я, наверное, действительно дура. Ничего не видела под собственным носом, не замечала.

Нет, не так.

Не хотела видеть и замечать.

А всё было настолько на поверхности, что даже смешно.

Интересно, как давно Витя наставляет меня рога, и насколько они уже у меня ветвистые? Не пора ли их подпилить, чтобы за деревья не цепляться?

Или рога только у мужиков бывают? А у женщин тогда что? Отвисшие до земли под тяжестью наложенной лапши уши?

Приревновал он, как же. Нет, он просто повод искал, чтобы меня из дома выгнать. А я ещё, как честная Маша, ключи

в почтовый ящик бросила.

Если бы не это обстоятельство, сейчас бы подогнала грузовую машину и всё, что не приколочено и не прикручено, вывезла бы на хрен из дома. На квадратные метры прав не имею, но и в нашу семейную кровать эта тварь спать не легла бы, из чашек, мною заботливо выбранных и купленных, не пила бы.

Мне эта мебель с посудой и даром не нужны. На помойку бы вывезла.

«Так не доставайся же ты никому!» – кажется, правильно помню фразу из школьной программы?

А может, она уже лежала и уже пила. Я же, как слепой котёнок, дальше собственного носа ничего не видела, Витеньке своему верила.

Начинаю панически вспоминать, было ли когда-то в квартире что-то такое, что могло натолкнуть меня на правильные ответы, и понимаю: было.

Было!

Пару месяцев назад с работы пришла, а покрывало на кровати сбитое и мятое, будто на нём кто-то валялся.

Я тогда очень удивилась, мы же целый день на работе были, а кровать я всегда аккуратно заправляю.

И что мне тогда Витя сказал?

Что у него давление поднялось, и он в обед приезжал часочек отлежаться.

А я что сделала?

Поверила!

И целый вечер, как наседка, вокруг него квохтала: «Ах, Витенька, что же ты не беспокоишься о своём здоровье», «милый, почему ты к врачу не обратился», «любимый, ну нельзя же так на работе перегружаться»...

Знала бы тогда, что у него на самом деле вместо давления поднялось, на дом бы врача вызвала. Ага, ветеринара. Чтобы отрезал ненужные части тела, от которых «давление» поднимается.

Вздрагиваю, почувствовав тёплую сухую ладошку на плече. Мария Яковлевна гладит меня успокаивающе.

– Всё в порядке, – повторяю в сотый раз, только уже вслух.

Всё время после обеда эти слова про себя повторяла, а теперь – вот, озвучила. Как будто от этого что-то изменится.

– Ну я же вижу, что нет, – женщина всплёскивает руками и берёт мои ладони в свои, сжимает их, заставляя оторвать от окна маршрутки невидящий взгляд и повернуться.

Смотрю на неё и не вижу. Ничего не вижу. Весь запал после увиденной в обед картины иссяк. Будто душу кто-то высосал, оставив пустую оболочку. И мысли о мести – это так, отголоски нахлынувшей злости, которые сразу пропадают, едва стоит вспомнить, что ничего я против Вити не смогу сделать.

Мне нечего ему противопоставить.

Кто я здесь, в этом городе? Никто. Ноль без палочки. У него знакомства, связи, работает опять-таки не в последнем

месте... А я... Я – кто? Что я могу?

Из-под опущенных ресниц опять прорываются непрошенные слезинки. Не хочу повторения вчерашней истерики, но с каждой минутой сдерживаться становится всё труднее.

Может всё-таки позвонить его маме, пожаловаться?

Ну да, большей глупости я придумать не могла. Свекровь меня хоть и любит, но кто ей ближе – невестка или собственный сын? У неё этих невесток может быть по десять штук каждый год. А родненькая кровиночка одна. Как меня любила, так и блондинку эту губастую полюбит.

– Ну-ну, милая, всё наладится, – Мария Яковлевна не сводит с меня сочувствующий взгляд и едва ощутимо гладит по руке.

Слава богу, мы заняли места в самом конце маршрутки, и сидящие впереди коллеги не видят творящееся на моём лице безобразие.

Аккуратно вынимаю свои ладони из тёплого захвата и вытираю слёзы.

– Сейчас пойдём ко мне, я тебя чаем напою, – продолжает утешать коллега. – Ой, а может, ты борщ будешь? Правда, я его позавчера варила, но он же в холодильнике стоит. У меня такой борщ вкусный, наваристый, на косточке. Пашенька очень уважал его, даже перед друзьями всегда хвалился, что такого борща даже президент не пробовал.

Отрицательно качаю головой.

– Пойдём. И мне компанию составишь. Мне одной столь-

ко не съесть. Наварила по привычке полную кастрюлю. К тому же, на голодный желудок всегда мысли плохие приходят. А как поешь, так и жить сразу станет веселее.

Киваю, соглашаясь: да, сытый голодному не товарищ. Когда я маленькая была, мне бабушка тоже частенько так говорила.

Вот только до борща ли мне сейчас? У меня жизнь рухнула.

Но Мария Яковлевна принимает мой кивок за согласие пойти в гости. Поэтому, едва мы выходим из автобуса, мягко, но настойчиво тащит меня в сторону своего дома. А я уже и не сопротивляюсь. Эта мягкая с виду женщина и мёртвого уговорит. Да и мне сейчас поддержка нужна. Любая. Даже если она выражается в виде сытного горячего ужина.

Дома у коллеги светло и уютно. Сразу вспоминается родной дом и родители. Хочется маме позвонить. Она точно пожалеет свою глупую дочь.

Да уж, распустила нюни до такой степени, что просто мечтаю, чтобы кто-нибудь мне сопельки подтёр. Маму-то я зачем сюда приплела? Чем она мне на расстоянии поможет? Морально поддержит если только. Ага-ага, а потом с давлением сляжет. Что ж я за дочь такая буду, которая родную мать в больницу упечёт?

Нет, не буду маме сообщать. Пока, во всяком случае.

Вхожу вслед за коллегой в квартиру, разубаюсь и сразу же присаживаюсь погладить прибежавших встречать нас кошек.

– Красивые, – шепчу, проводя рукой по мягкой трёхцветной шёрстке одной и тёмно-шоколадной другой.

Третья кошка, серая, с белой манишкой, стоит в сторонке и смотрит насторожённо. Вроде и хочет, чтобы её приласкали, но в то же время чего-то опасается. Меня напоминает. Я тоже хочу, чтобы меня приласкали, и сама же никому не даю это сделать.

– Ты проходи, проходи, Юночка, – суется Мария Яковлевна, отгоняя кошек и провожая меня в маленькую уютную кухню. – Потом погладишь. Они ласку любят, ещё успеют замучить, приставучки лохматые.

Женщина ставит разогреваться борщ, а я присаживаюсь на табурет, накрытый небольшим круглым ковриком ручной вязки, и осматриваюсь.

Кухня несовременная, но очень аккуратная и уютная. Кое-где по углам расставлены небольшие вазочки, а почти всё свободное пространство занимают красиво разложенные салфетки. В шкафчике замечаю поделку – два белоснежных лебедя, склонившие друг к другу шеи, образуют своеобразное сердце. И всё это, насколько я понимаю, связано крючком.

– Мария Яковлевна, а вот эти все салфетки, – я киваю на подоконник, стол и стеклянные дверцы шкафчика напротив, – вы сами вязали?

– Ну конечно, – кивает она, сноровисто нарезаая хлеб. – А то кто же? Сама, своими руками.

Пожимаю плечами.

– Нет, ну мало ли. Может, подарил кто-то.

– Скажешь тоже, – фыркает коллега. – Кому такая ерунда нужна, чтобы её дарить?

– Почему ерунда? Это же очень красиво, и к тому же сейчас модно.

Мария Яковлевна кладёт хлеб в плетёную корзинку, ставит её на стол и выключает газ.

– Модно, не модно... Я ж за модой не гонюсь. Просто много лет увлекалась этим делом, вязала в свободное время. Кое-что родственникам да соседям раздала, но что-то и себе, для души, оставила.

Она разливает борщ по тарелкам и одну из них ставит передо мной. Зависаю над исходящей паром тарелкой и вдыхаю божественный аромат. Желудок протестующе урчит. Дань требует. Его одним только запахом не наполнишь.

– А потом? Бросили?

– Да не то чтобы. Вяжу иногда. Но уже не так часто. Под настроение.

Передо мной появляется пластмассовый стакан с надписью на крышке «Сметана». Зачерпываю ложкой белоснежную субстанцию и опускаю в тарелку. Цвет борща меняется с багрово-красного на ярко-розовый.

Отправляю в рот первую ложку. Боже... Это безумно вкусно!

Я тоже умею и люблю готовить борщ, но так у меня нико-

гда не получится.

– Это божественно вкусно, – сообщаю женщине. Но по смеющимся глазам понимаю, что она все эмоции уже прочитала на моём лице.

Сама не понимаю, в каком моменте съедаю полную тарелку и прошу добавку. Осознаю это, только когда Мария Яковлевна ставит передо мной новую дымящуюся порцию.

– Простите, – шепчу, опуская глаза и чувствуя, как всюду пылают щёки, и пощипывает уши. Блин, дорвалась до еды. – Я как с голодного края.

– Знаешь, Юночка, – довольно смеётся коллега, присаживаясь на стул и придвигая поближе свою тарелку, – я частенько смотрю телевизор, и однажды в какой-то передаче про еду прозвучала такая фраза: лучший комплимент повару – это пустая тарелка. Так вот, – она многозначительно поднимает палец вверх, – я со своей стороны считаю, что лучший комплимент повару, это когда у него просят добавку. Так что успокойся и ешь.

Вторую порцию ем уже спокойно. Смакую. Отлично понимаю, что всеми этими разговорами ни о чём просто забываю эфир, вытесняя навязчивую картинку, где к моему мужу тянутся пельмешного вида и размера ярко-алые губы. Но мне это действительно сейчас очень нужно.

После пьём с Марией Яковлевной горячий чай, болтаем о погоде и мировых новостях. На улице лето, но в квартире не жарко, потому что солнышко уже спряталось за моим до-

мом...

Моим, да...

Бывшим моим. Теперь правильно говорить: «за домом, где я всё ещё прописана».

Мысленно стону.

Витя же сказал, что я должна из квартиры выписаться, а я и забыла.

Неожиданно внутри поднимается волна протеста.

А с какой стати я ему что-то там должна?

Я, конечно, не собственник, но и выписать меня насильно он не может, иначе бы не потребовал сделать это самой.

Злюсь всё больше. Даже чашка в руке дрожит, и топлёное печенье в пальцах крошится прямо на стол.

А вот возьму и не выпишусь! И плевать я хотела на Витины приказы. Что он мне сделает? Изобьёт? Нет, не посмеет! Он никогда на меня руку не поднимал.

И тут же вспоминаю полный ненависти и едва сдерживаемой ярости взгляд, от которого хотелось слиться с обстановкой, стать невидимкой, частью мебели.

Ёжусь.

А вдруг раньше не поднимал, а теперь поднимет?

Да и зачем мне его квартира? Доли моей там нет. Единственное, чем я ему со своей пропиской помешать могу – продать её, если он вдруг захочет. А так ещё заставит меня часть коммуналки оплачивать... Из-за прописки.

Нет, всё же надо выписаться.

Просто потому, что не хочу больше с ним ничего общего иметь. Чтобы спать спокойно.

Вся моя любовь к нему сегодня днём испарилась, будто её и не было никогда. Осталась только обида за то, что у самого рыльце в пушку, а виноватой меня сделал. И ещё жуткое чувство брезгливости. Словно я все эти годы в липкой паутине жила, не замечая этого, и только сегодня очнулась.

– Юночка, – слышу, как зовёт меня Мария Яковлевна, отрываюсь от окна и перевожу взгляд на неё. – Ты о чём задумалась? Пойдём, может, в зал? Там сейчас одна передача начнётся, я её каждый вечер смотрю.

Улыбаюсь, ставлю кружку, снимаю с колен пригревшуюся трёхцветную кошку, глажу мягкую шёрстку и встаю со стула.

– Спасибо, Мария Яковлевна. Не обижайтесь на меня, но я лучше пойду. Надо пораньше спать лечь. Не выспалась.

– Так завтра выходной, – пытается уговорить меня женщина.

Киваю.

– Да, знаю. Но у меня с утра есть одно важное дело. И... спасибо вам за ужин. Вашему Пашеньке очень повезло с женой. И мне тоже с вами повезло.

Обуваюсь, снова выслушивая наставления не переживать и не накручивать себя. Клятвенно заверяю, что даже не собираюсь.

Так и не рассказала ей, что в обед случилось.

Всё понимаю, но вслух это произносить не хочу. Поче-

му-то кажется, что, озвучив это, я будто в грязи изваляюсь.

Выхожу на улицу и направляюсь в сторону своего нового временного жилья.

Иду через свой бывший двор, и внезапно ноги словно прирастают к земле. Силюсь сделать хоть шаг и не могу. Глазами буквально пожираю открывшуюся картину – к моему бывшему подъезду подъезжает машина мужа. Витя выходит, обходит машину, открывает пассажирскую дверь и подаёт кому-то руку.

В первый момент не понимаю – это к нам его мама приехала? Зачем?

Но в следующую секунду меня словно ведром холодной воды окатывает – из машины выходит та самая пельмешная блондинка.

Это что же? Что получается? Я была права?! Дорожка в квартиру давно натёрена?!

Всё-таки жаль, что я ему тогда ветеринара не вызвала.

Кобель похотливый!

И даже соседей не стесняется.

Стою, как приклеенная, посреди двора, и, конечно, мой интерес не остаётся незамеченным. Блондинка окидывает меня высокомерно-удивлённым взглядом и что-то негромко говорит Вите.

Оглянувшись и тут же отпустив её руку, мой почти бывший муж быстрым шагом направляется ко мне. На подсознательном уровне понимаю, что с таким перекошенным от

злости лицом ничего хорошего он мне не скажет, поэтому разворачиваюсь и спешу уйти в другую сторону.

– А ну, стой! – слышу грозное в спину и срываюсь на бег. Хорошо, что я в кроссовках.

Но от моего мужа не убежишь. Что мои кроссовки против его длинных ног? Даже если бы они были с прикрученным к ним турбо-двигателем, сомневаюсь, что меня бы это спасло.

Чувствую болезненную хватку на локте, после чего Витя резко разворачивает меня на сто восемьдесят градусов, и я едва не впечатываюсь носом в широкую накачанную грудь. В нос ударяет запах до боли знакомой туалетной воды. Вот только если раньше я могла вдыхать его часами, то сейчас с трудом подавляю рвотный позыв.

– Убери от меня свои грязные руки! – резко вырываю локоть, отступаю на шаг. Нестерпимо хочется протереть кожу в том месте, где он касался. А лучше вымыть хозяйственным мылом и сверху антисептиком обработать, чтобы не заразиться его сволочизмом. Выгнал жену, чтобы иметь возможность таскать домой эту змею подколодную? Подонок! Морщусь от брезгливости. – Мне противно!

Вижу, как у него зрачки сужаются.

– Ты как со мной разговариваешь? – рычит, нависая.

Бесится.

И я внезапно завожусь ещё сильнее.

– Что, не нравится? Я с тобой теперь только так общаться буду! Привыкай, ми-и-илый! – тяну последнее слово, вкла-

дывая в него максимум презрения, и отступаю ещё на шаг. Не потому, что боюсь, а потому что невыносимо находиться рядом. Потому что ненавижу. Искренне. Всей душой, всем сердцем. Так же сильно, как раньше любила.

– Следишь за мной? – цедит он сквозь зубы, а я изгибаю губы в презрительной улыбке.

– Я? За тобой? Очень надо! Кто ты такой, чтобы я за тобой следила? – фыркаю. – Открою тебе секрет, ми-и-илый, – ну понравилось мне так говорить, и ещё больше понравилось наблюдать, как его от этого колбасит, – я свободный человек, поэтому хожу там, где хочу. И никто, а тем более ты, мне не указ!

Он молчит. Кривит губы, сверлит меня злобным взглядом. Впервые мой почти бывший муж получил отпор от вечно покорной жены, и что-то не спешит привычно продавливать дальше.

Трус!

Получил сдачи и сразу яйца поджал.

Понимаю, что разговор ни о чём закончен, разворачиваюсь и собираюсь уйти, но внезапно в голову приходит идея.

Снова разворачиваюсь, киваю на застывшую у машины жертву пластической хирургии и добиваю:

– И скажи своей даме сердца, чтобы рубашки постирала и погладила, а то на работу ходить будет не в чем. Да своими губищами пусть поосторожней размахивает – помада её плохо отстирывается, а бесплатной домработницы у тебя боль-

ше нет.

С огромным удовольствием наблюдаю, как у почти бывшего мужа вытягивается лицо. Он открывает рот, чтобы что-то сказать, но я перебиваю, возможно даже первый раз в жизни:

— Если бы ты знал, как я счастлива, что мне больше никогда не придётся отстирывать чужую помаду и выслушивать твоё враньё, ми-и-илый.

Ухожу с чётким осознанием, что в свою бывшую квартиру больше никогда не вернусь. Во всяком случае, по собственному желанию. Только если меня туда занесут в виде остывающего трупа. Поэтому думаю завтра позвонить Карине, узнать, когда она приезжает и попросить собрать мои личные вещи.

Дома, то есть в своём временном жилище, быстро раздеваюсь, набираю полную ванну горячей пенной воды, добавляю туда пакетик морской соли, включаю на телефоне музыку и кайфую, первый раз за последние двадцать два года чувствуя себя всесильной и всемогущей.

И это чувство мне очень нравится!

Глава 5

Сажу на подоконнике в маленькой кухоньке, пью чай и размышляю, как же всё-таки поступить. Выписаться из квартиры и забыть как страшный сон всё, что связывало меня с мужем, или биться до последнего?

Параллельно посыпаю голову пеплом и сокрушаюсь: куда раньше мои глаза смотрели? Вот правду говорят, любовь зла... Это же надо умудриться – влюбиться в такого гада! Козла последнего! Не в моих привычках ругаться матом, но пора уже начинать называть вещи своими именами. А в отношении Вити у меня других слов не осталось, только те, что запрещено печатать в различных литературных изданиях.

Но и сама хороша. Сколько можно, как страус, голову в песок прятать, отмахиваясь от очевидных фактов? Всегда ведь таким был! Всегда! С самого начала, с первого дня отношений.

Неужели мне могло нравиться, что у меня собственного мнения нет? Что мы будем делать только так, как Витенька сказал?

Даже Карина, начиная с раннего детства, могла свою точку зрения и независимое мнение отстоять. А я, взрослая женщина, только молча глазами хлопала, проглатывая очередное враньё и выполняя каждый следующий приказ.

Стыдно, какой тряпкой я была. Безропотной, всё терпящей и всепрощающей. Эх...

Ладно... Это всё лирика.

Прошлого уже не изменить, а в настоящем у меня есть более серьёзные задачи. Сейчас нужно решить, стоит тратить на консультацию юриста, чтобы расспросить, есть ли смысл бодаться из-за раздела имущества, или это бесполезная трата времени и денег, которых и так мало?

Понимаю, что в интернете сейчас можно о многом узнать, поэтому ещё вечером, выйдя из ванной, на волне злости кое-какие вопросы прошерстила. Но если сначала ответы казались мне однозначными, то, чем больше я залезала вглубь, тем яснее становилось, что интернет – это большая помойка, и найти там рациональное зерно практически невозможно.

На одних сайтах было чётко и ясно написано, что, кроме половины доли от покупки машины, мне ничего не светит.

Другие бесплатные адвокаты советовали не отступать и добиваться выплат, так как ремонт и все вложения по улучшению полученной в наследство недвижимости делались супругами уже совместно. Но там такие нюансы, что все затраты можно как в одну, так и в другую сторону трактовать.

В общем, всё непонятно и запутано.

И ещё – печально.

Потому что работа у меня много лет неофициальная и малооплачиваемая, и получается, что я официально много лет сидела у мужа на шее.

Добытчик, блин! Кормилец! Благодетель!

Выдыхаю, стараясь успокоиться, и размышляю дальше.

Можно попробовать начать чего-нибудь добиваться.

Вот только я здравомыслящий человек и понимаю, что добиваться – не значит добиться. Не с моими финансами и возможностями. Если дело дойдёт до суда, а зная Витю, я в этом даже не сомневаюсь, мне либо придётся тратиться на адвоката, либо доказывать право на раздел имущества самой. А это сразу вариант провальный.

К тому же, нельзя забывать, что на второй чаше весов Карина. Если муж, почти бывший, обозлится настолько, что его гнев и на дочь обрушится (сомневаюсь, что Витя до такой степени сволочь, но всё же, всё же... Я теперь ничему уже не удивлюсь), то я её обучение одна не потяну. Я и себя пока не знаю, как вытягивать буду.

Блин, блин, блин...

В отчаянии бью кулаком по подоконнику.

Это вчера я такая смелая была. Злая и от этого смелая. А сегодня злость осталась, вот только смелость вся испарилась. Потому что мужа своего наизусть уже изучила и знаю, чего от него можно ждать. Да и не боец я ни разу.

Эй, кто там в очереди за смелостью последний? Я за вами буду. А, просили больше не заниматься, потому что на всех не хватит? Ну ладно, я тогда в другую очередь стану, за наивностью и глупостью.

Вот так, наверное, дело обстояло, когда на небесах харак-

теры раздавали.

Вздыхаю, закусываю губу, мою кружку, беру телефон и снова ищу съёмную квар... Р-р-р! Ну хоть что-нибудь съёмное по моим деньгам.

Господи, как хорошо, что я коммуналку не успела оплатить. Так хоть на первое время деньги есть. А коммуналка? Пусть его кукла губастая из своих платит. Теперь это её зона ответственности. Наряду с чистыми рубашками.

Листаю объявления.

Та-а-ак...

Квартиры – сразу нет. Цены всё те же, аховые.

Семейные блоки... Уже лучше, но... Но...

Комнаты в общежитии. О! Здесь уже интереснее.

Смотрю фотографии. М-да... Обстановка в них та ещё...

Понятное дело, евроремонт и не пахнет, но даже качество мебели и застеленный разномастным линолеумом пол невольно вызывает дрожь. Общая кухня, туалет на этаже, душ один на всех в подвале.

Жесть. Просто жесть.

С другой стороны, в моём ли положении воротить нос? Царские хоромы для царей, а для простых холопов – вот такие «апартаменты».

Выбираю три наиболее приемлемых варианта, звоню.

Ну, что могу сказать?

По первому варианту: я в пролёте, комната уже сдана.

По второму: вроде, всё нормально. Комната свободна,

кухня прямо за стеной, далеко бегать не надо. И можно заселяться прямо сегодня. Цена меня устраивает, только дополнительно нужно будет оплачивать свет. Успеем договориться с хозяйкой, чтобы встретиться и посмотреть. Вот только в последний момент вспоминаю рассказы девчонок из цеха и задаю сакраментальный вопрос о наличии в комнате «незарегистрированных жильцов». И по тому, как женщина замялась, понимаю, что да, есть. Б-р-р! Извиняюсь, но отказываюсь. Я даже соседей-алкоголиков, наверное, смогла бы пережить, но вот тараканов... Нет, не могу. Не пересилю себя.

И вот, третий вариант. Звоню. Ура. Вроде бы везёт: комната примерно в центре длинного коридора, с одного края которого кухня и женский туалет. Мужской туалет в другом конце коридора. Удобно. Третий этаж, зимой тепло. В оплату также дополнительно входит электричество. Ещё, что немаловажно для меня – оплата только на месяц вперёд, без залога. Соседи нормальные. Тараканы... были, но пару месяцев назад их потравили, пока больше жалоб нет.

Задаю вопрос, когда можно посмотреть, и вот тут меня немного обламывают. Хозяйка живёт в деревне, и приехать сможет только через неделю.

Некоторое время мнусь, раздумывая. Можно другие комнаты посмотреть, вроде бы на сайте ещё парочка объявлений была. Но там и цена выше, и до работы мне придётся добираться уже на двух маршрутках. А это дополнительные тра-

ты.

Решаюсь. У меня в запасе есть ещё восемь дней, пока внук Марии Яковлевны вернётся с вахты. Думаю, она не откажет мне в просьбе неделю здесь пожить. Но лучше спросить.

Прошу разрешения перезвонить женщине в течение десяти минут и набираю коллегу.

Конечно, Мария Яковлевна мне не отказывает.

Перезваниваю хозяйке комнаты, договариваюсь на осмотр комнаты в следующую пятницу. Но уже и так понимаю, что, скорее всего, перееду туда. Потому что и так будет крайний день, чтобы освободить Лёшкино жилище.

Радуюсь как ребёнок. Отлично получилось! Я за эту неделю смогу ещё денег подсобрать. Мне одной много не надо – кастрюльки супа как раз на неделю хватит, гигиенические принадлежности тоже пока в наличии. Вообще, если по всем фронтам экономить, даже не нужно будет у родителей, как собиралась, денег в долг просить.

Дожила, блин... Мне сорок лет, а я имею реальный шанс перебраться с мужниной шеи на родительскую.

Кстати, насчёт кастрюльки супа. Надо бы в магазин сходить, а то уже второе утро нагло пользуюсь хозяйским чаем. Но им сыт не будешь. Не напрашиваться же мне к Марии Яковлевне на тарелку борща? Это вообще уже даже не смешно будет. Хотя зайти к ней надо. Что-нибудь вкусненькое к чаю купить. Хоть так отблагодарю её.

Быстренько собираюсь и отправляюсь в магазин.

Погода хорошая, настроение, несмотря ни на что, тоже.

Бреду не спеша по улице, щурюсь ласковому солнышку и улыбаюсь.

Я, наверное, какая-то неправильная. Стандартная женщина, увидев любимого мужа, притащившего любовницу в дом, закатила бы истерику, надавала мужу по морде, выцарапала глаза сопернице, а потом до утра рыдала в подушку, проклиная свою горькую женскую долю.

На меня же эта ситуация как-то наоборот повлияла. Возможно, это потому, что я любовницу увидела уже после случившегося внутри меня армагеддэ и переоценки ценностей.

А может, я перестала это остро воспринимать, потому что передо мной сейчас более глобальные проблемы стоят: я фактический бомж и плюс частично на мне ещё Карина.

В кармане звонит телефон.

Карина.

Будто услышала мои мысли.

– Доброе утро, доченька. Как дела? Ты сегодня в выходном?

Знаю, что Карина по пятницам учится после обеда, поэтому с утра вполне могла пойти на работу. Она у меня большая умница и трудяжка.

– Привет, мам, – слышу запыхавшийся голос. Куда-то спешит. – Что у вас с папой произошло?

Хмыкаю. Дочь моя обычно вокруг да около не ходит, все интересующие вопросы в лоб задаёт. Если бы Витя ей сооб-

щил, что мы расстались, она бы сразу так и спросила. А тут такой вопрос непонятный, обобщённый.

– Почему ты спрашиваешь? – тоже не тороплюсь раскрывать карты.

– А, так я бабуле звонила, хотела поболтать, узнать про здоровье. А она сказала, что собирается в город – папа попросил её приехать. Что-то насчёт машины.

Резко останавливаюсь и закусываю губу.

Вот, значит, как...

Насчёт машины.

Если это то, о чём я думаю, то могу сказать одно: мой муж, почти бывший, времени зря не теряет и мстит мелочно, но масштабно.

– Мам, ну так что? У вас всё нормально? – врывается в мозг голос дочери, и я отмираю.

– А? Да ничего особенного...

Стараюсь говорить ровно, но внутри всё переворачивается от обиды. Сволочь! Просто сволочь! Уверена, что он хочет машину на свекровь переоформить. Скорее всего, продать. Чтобы нам вообще делить было нечего. Типа, нет у нас никакого совместно нажитого имущества.

– Да? – Карина понимает, что я вру. – Опять поругались, что ли?

– Нет, мы не ругались...

А вот здесь уже и не вру. Потому что действительно не ругались. Мы вообще за все годы брака ни разу не ругались,

потому что такое право было всегда только у Вити. У меня же было совсем другое – молчать в тряпочку.

– Папа обидел? – понимает дочь и вздыхает. – Мам, не обижайся на него. Ты же знаешь, он вспыльчивый, но отходчивый.

Молча соглашаюсь. Ну да, практически так и есть: он надавил, я исполнила, он успокоился. Примерно так его отходчивость выглядит.

– Карин, – перевожу разговор, потому что понимаю, что не готова подобные новости на ребёнка вываливать. Не по телефону, во всяком случае. – Ты когда планируешь приезжать?

– Ой, мам, не на этой неделе точно. Может, на следующей. Пока не знаю, – слышу по звуку, что дочь садится в автобус. – Лето, сама понимаешь. У нас двое друг за другом заявление на отпуск написали, народа не хватает. А ещё одна беременна. Тоже непонятно, будет работать или нет – не все же по одной пицце заказывают, да и сумка сама по себе тяжёлая.

Дочь работает в пиццерии курьером. Работа не из лёгких, но она не жалуется. В прошлом году с мальчиком сошлась, квартиру сняли. Половину мы оплачиваем, вторую половину – родители мальчика. Он тоже студент, как и Карина, и тоже подрабатывает. В общем, дети ответственные, крутятся в меру сил.

Так что дочь у меня ненапряжная. Умница большая. Самостоятельная практически. С учётом того, что моя привыч-

ная жизнь теперь разрушена, это обстоятельство меня очень радует. Ну и то, что она на бюджет попала. Вообще не представляю, как бы выкручивалась, если бы не это. Тогда хоть в петлю...

Ой, что за бред в голову лезет.

Срочно выкидываю из головы пессимистичные мысли. У меня всё в порядке. Ведь ничего смертельного не произошло. Предатели меня? Да. Трудно мне сейчас? Да. Жить дальше могу? Да! Могу и буду. Назло всем!

– Ну да, понимаю. А ты куда спешишь-то? – решаю пока не дёргать Карину, ей своих проблем хватает.

Придётся оставить свои вещи в заложниках в своей бывшей квартире. Если Витя их не выкинет... Хорошо, что ещё начало лета. До холодов и проблем с вызволением из «плена» или приобретением тёплой одежды время ещё есть. Поэтому буду решать проблемы по мере их поступления.

– А, так на работу. Успею до обеда несколько заказов развезти, – отвечает она. – Ой, мам, я в автобусе, неудобно разговаривать. Давай, может, вечером созвонимся... А, нет, вечером не получится – Макс в кино пригласил. У нас сегодня романтик типа.

Она смеётся, а я облегчённо вздыхаю. Ну, хоть у дочери парень нормальный, без закидонов и командирских ноток. В их паре, скорее, Карина командир.

– Пока, солнышко. Приятного вечера, – мурлычу в трубку и сбрасываю.

Разговор с дочерью уверенности в собственном будущем не прибавил. Неужели Витя до такой степени гад?

Вбиваю в поисковик вопрос и обтекаю: если автомобиль куплен в период брака, то его стоимость при разводе делится между супругами пополам. Это же относится и к случаю, когда автомобиль продается во время развода.

– Вот что ты задумал, Витенька, – гневно шепчу, убирая телефон в карман. – Сначала хочешь продать машину маме, а после на развод подать? Чтобы успеть оформить сделку до начала бракоразводного процесса. Поэтому и сказал, что на развод сам подашь. Ну ты и му...жчина с низкой социальной ответственностью!

Резко разворачиваюсь и почти бегом отправляюсь в ЗАГС. Подаю на развод первой. И пусть Витя потом попробует доказать, что отписал машину маме не *во время* бракоразводного процесса.

Ноги привычно бегут дворами в центр города, а я решаю посмотреть, сколько сейчас стоит госпошлина за развод. Смотрю, спотыкаюсь и чуть не падаю.

Мама родная, пять тысяч рублей.

У них с головой всё в порядке? Откуда такие сумасшедшие цифры? Может, ноль лишний пририсовали?

Лезу на другие сайты.

Ох...

Это действительно правда. Цена не так давно поднялась – буквально в прошлом году. Причём увеличилась без малого

в десять раз.

Наше государство таким образом пытается браки спасти? Типа, нет денег на развод – живите вместе и не портите нам статистику?

Стою посреди чужого двора и пытаюсь вернуть вылезшие из орбит глаза обратно на родину. Параллельно цепляюсь взглядом за другие строчки...

Ох, ё...шки матрёшки...

В полуобморочном состоянии подхожу к ближайшей скамейке и присаживаюсь.

Мне не в ЗАГС, а в суд нужно идти. В ЗАГС – это если без раздела имущества.

А у меня другой вариант. Мне нужно писать исковое заявление. И документы подготовить.

Едва не плачу от обиды.

Во-первых, кроме паспорта, у меня ничего нет.

Во-вторых, где я столько денег на развод возьму? Кредит оформить? Ага, люди в кредиты влезают, чтобы пожениться, а я – чтобы развестись. Анекдот из жизни. Только мне вообще не смешно.

Ладно, предположим, оформлю я быстрый займ, всё оплачу, найму адвоката.

А дальше?

Ну, отсужу половину машины (это при лучшем раскладе) и все деньги за неё потрачу на выплату этого займа. Там проценты как на дрожжах растут – девочки из цеха рассказыва-

ли. А уж сколько нервов мне это всё вымотает... И Витя... Не дай бог, он лишит Карину финансовой помощи. Просто назло мне. Или губастая кукушка ему на ухо ночью напоёт...

Сижу на лавке, злюсь, кусаю губы, пытаюсь удержать слёзы. Обидно. Очень. Ничего я сделать не могу. Обыграл меня муженёк по всем фронтам, даже не начав играть. А мне теперь только и остаётся, что пожинать плоды своей многолетней глупости и... начинать жить заново.

Соскребаю себя со скамейки, разворачиваюсь и топаю по изначальному маршруту – в магазин.

Кладу в корзинку продуктов по минимуму. Экономия теперь моё всё. В кондитерском отделе беру из холодильника коробку с пирожными. Я просто обязана хоть так отблагодарить Марию Яковлевну за доброту и помощь.

И ещё нужно Андрею позвонить, сказать, что я завтра на подработку выйду. График два через два теперь не для меня. Зато работа без выходных – это план на всю мою ближайшую жизнь.

Да, казалось бы, я в полной ж... Короче, глубже некуда. Но с другой стороны, я взрослая здоровая женщина, пусть и с материальными проблемами. А значит, я со всем справлюсь. Обязательно справлюсь. Хотя бы потому, что другого выхода у меня нет.

Девчонки, искренне рада подписке, звёздочке # на обложке, комментариям – всему-всему, что даёт понять, что вам

нравится то, что вы читаете -))

Глава 6

– Если человек по самую маковку загружен работой, у него не хватает времени на переживания и размышления, терзающие сердце и душу, – убеждаю себя, старательно отжимая тряпку. – К тому же, физический труд помогает поддерживать в тонусе не только мышцы, но и кошелёк.

Натираю светло-серую плитку и даже умудряюсь пританцовывать в такт звучащей из телефона музыки. Так веселее мыть полы, да и одиночество не кажется уже таким... одиноким.

Протираю дверные ручки и откосы, застилаю у входа половичок с весёлой надписью «ты эт, если чё, заходи», убираю в подсобку хоз.инвентарь, переодеваюсь, закрываю дверь и, позвонив ЧОПовцам, чтобы поставили объект на пульт, спускаюсь с высокого крыльца и неспешно бреду по улице.

Несколько дней назад одна из девчонок в цеху спросила, не хочет ли кто подработать вечером. Её знакомой в салон красоты требуется уборщица. Работа строго после закрытия, то есть с девятнадцати часов и примерно до двадцати одного.

Немного поразмышляв, пришла к выводу, что для меня это выход.

Я ведь думала о подработке. А тут всё так удобно получается: есть время приехать с работы, спокойно поужинать,

переодеться и дойти до салона, который находится прямо рядом с моей остановкой. И от Лёшкиной квартиры ходить близко, и от общежития, где я буду жить, тоже. К тому же, что немаловажно, оплата почти полностью будет покрывать сумму съёма, а значит, моей зарплаты должно хватить и на себя, и на помощь Карине.

Попросив у коллеги номер хозяйки салона, я сразу же ей позвонила, договорилась о встрече, пообщалась лично и в тот же вечер приступила к новым должностным обязанностям.

– Что нас не убивает, делает нас сильнее, – философски изрекла Мария Яковлевна, когда я поделилась с ней хорошей новостью о том, что вышла на вторую работу, а я только согласно кивнула.

И вот, отработав третий день, иду со второй работы и, несмотря на некоторую усталость, довольно улыбаюсь. Правильно говорят: когда бог закрывает перед нами дверь, он открывает окно.

Ситуация с Витей не отпустила, но и не кажется какой-то катастрофической. За эту неделю у меня было достаточно времени, чтобы всё обдумать и понять, что в кои-то веки я сама управляю собственной жизнью, не подчиняясь чьим-то требованиям и не выслушивая гневные нотации, а потому с чистой совестью сходила в МФЦ и написала заявление, чтобы меня выписали из квартиры.

Я к этому философски отнеслась – Витя мне теперь чу-

жой, а ничего чужого мне не надо. Ну да, бывает и так: живёшь спокойно, вьёшь семейное гнёздышко, а потом бац! – вторая смена, и ты совершенно официально становишься бомжом. Переживательно? Да. Смертельно? Нет.

А вообще, несмотря на печальные обстоятельства, всё у меня складывается довольно-таки хорошо. И помощь, и возможность решить проблемы приходят как-то вовремя и правильно.

Послезавтра возвращается внук Марии Яковлевны, а на завтра у меня назначена встреча с хозяйкой комнаты в общежитии. Поэтому я считаю, что удача сейчас на моей стороне.

Ставлю чайник и отправляюсь в комнату. Облокотившись плечом о дверной косяк, внимательно всё оглядываю.

Времени на сборы и уборку завтра будет не так уж много. Я, конечно, у Андрея отпросилась на пару часов, чтобы успеть комнату посмотреть и вещи потом туда перенести, но всё равно волнуюсь – не хочу, если что, опаздывать на свою вторую работу, поэтому весь свой нехитрый скарб и продукты, не требующие хранения в холодильнике, собрала уже сегодня.

Переодеваюсь, пью чай и начинаю уборку.

Я не поросёнок, и, в принципе, здесь чисто, но хочу вернуть хозяину квартиру в наилучшем виде. Поэтому протираю всюду пыль, прохожусь с пылесосом и мою пол.

К половине двенадцатого уставшая, но удовлетворённая собственными трудами ложусь на диван и обнимаю руками

подушку. Засыпаю в хорошем настроении практически сразу, а вот просыпаюсь с выпученными глазами и бешено коло-
тающимся сердцем, потому что слышу, как в замочной сква-
жине проворачивается ключ.

Грабители?!

Подскакиваю с дивана и прижимаюсь к стене у окна, пы-
таясь слиться цветом с бежевыми обоями.

За окном тёмная ночь, разбавленная узкой полоской рас-
света. Её хватает, чтобы рассмотреть, что творится в прихо-
жей.

В дверном проёме появляется мужской силуэт. Что-то
глухо стучит об пол. А что у него в руке? Палка какая-то,
что ли? Или... ружьё?!

Мамочка дорогая, я даже закричать не могу, потому что
горло от страха сдавило.

Как родную прижимаю к себе зачем-то прихваченную с
дивана подушку. Если это действительно грабитель, я свою
жизнь и немногочисленные ценности из квартиры в виде бы-
товых приборов задорого продам. Точно, шокирую грабите-
ля своими короткими шортами и майкой в обlipку, завалю
на пол и задушу подушкой, пока он в себя не пришёл. Ну да,
так и будет... в моих мечтах. Женщина-кошка, блин!

Мужчина, между тем, ведёт себя спокойно. Не спеша за-
крывает дверь, ставит в угол палку-ружьё и проходит в кух-
ню. Слышу щелчок выключателя и почти сразу следом за
этим шум включённого чайника.

Что за грабитель такой странный и борзый? Мало того, что решил ограбить, так ещё никуда не торопится настолько, что решил чайку попить.

А может, это всё-таки Лёшка? Хотя нет. Мария Яковлевна сказала, что он послезавтра придет. Я же уточняла.

Стою за диваном, судорожно сменяя в руках подушку и решаюсь. Выйти или нет? Представляю, как «обрадуется» мне ночной гость, но и выбора нет. Так я буду ближе к выходу и, если что, успею выскочить. А если ещё эффект неожиданности использовать, и то, что он на свету, а я из темноты выскочу?.. Да, думаю, это вариант.

Медленно, на цыпочках крадусь в сторону кухни. Ниндзя, блин, восьмидесятого уровня.

Затаив дыхание, выглядываю из-за угла, но со своего ракурса вижу лишь одну ногу, вытянутую в проход. Ага, понятно, незнакомец сидит за столом. Ну, по мне так даже лучше. Можно прямо с прохода подушкой по лбу ему врезать и, пока он в себя приходит, бежать на улицу.

Делаю быстрый рывок в сторону кухни, замахиваюсь подушкой и... Всё. Больше ничего не делаю. Если не считать действием мой эпичный полёт через кухню с приземлением попой на стол.

– Ты кто такая и что здесь делаешь? – рычит прямо в лицо незнакомец.

Сижу в шоке. Офигеваю, как Карина говорит.

Сбежать даже не пытаюсь. Да и как сбежишь, если граби-

тель руками с двух сторон от меня на стол опирается, а сам сверху нависает? Я в капкане. В таком большом, злом, брюнетистом капкане.

Кстати, в процессе полёта так и не поняла, как он успел так быстро среагировать. Просто дёрнул меня за руку, талию сдавил и швырнул на стол. У меня теперь, кажется, на боках синяки останутся. Хотя какая трупу разница, есть ли у него на боках синяки? А я, судя по интонации и направленному на меня острому взгляду, почти уже труп.

– Я жду.

Брюнет снова рычит, а я испуганно жмурюсь и вжимаю голову в плечи.

– Я... Это... Живу здесь... – блею, заикаясь.

Блин, блин, блин! Кто меня просил геройствовать? Надо было сразу к выходу бежать. Хотя, если у него такая реакция, далеко бы я не убежала. Но, может, успела бы на помощь позвать.

– Лёшка себе бабу завёл? – слышу в голосе удивление и приоткрываю один глаз. Кажется, убивать меня не собираются. И то радость. – Мог бы и предупредить, что хата занята.

Вычленяю из фраз незнакомца главное: «Лёшка... Хата занята...»

В голове что-то щёлкает. Я знаю, кто это!

Страх уходит.

– Я не его «баба», – недовольно фыркаю, интонацией выделяя последнее слово, и поднимаю голову, внимательно и

уже почти безбоязненно рассматривая мужчину. – А вы тот самый его друг, которого жена периодически из дома выгоняет, потому что он мало зарабатывает?

Вижу, как у незнакомца сначала изумлённо приподнимаются брови, а потом глаза резко сужаются, и на скулах отчётливо проявляются желваки. Память услужливо подкидывает воспоминания о вечере, когда Витя меня из дома выгонял. У него тоже так желваки играли.

– Что-о?! – ещё яростнее рычит он, а я теряю всю напускную смелость и снова съёживаюсь.

Зря, наверное, его злю. Рано расслабилась. И язык ещё распустила. Может, жена его выгоняет не из-за денег, а потому что он её бьёт? А меня тут, если что, и защитить некому. Да я против этого мужчины букашкой кажусь. У него рука – как моя нога по толщине, вон как вены над мышцами выступают. Молчу уже про плечи... И про рост. И вообще, сразу видно, что силищи в нём немерено. Да он, при желании, меня пополам сломает, даже не напрягаясь. Да что там сломает? Ему и ломать не надо. Испепелит, походу, и все дела. Недаром глазищами сверкает. Я, конечно, не эксперт по металлу, но кажется, на меня сейчас расплавленный алюминий польётся.

– Извините, я не хотела вас оскорбить, – бормочу. – Вы первый начали.

Мужчины резко отталкивается от стола и отстраняется. Оборачивается к плите и выключает выкипающий чайник.

– Так, ладно, – произносит уже тише, подтягивает к себе табурет и садится, перекрывая выход из кухни. – Ну и кто ты, раз не Лёхина баба? Как попала в квартиру?

Не сводя с незнакомца насторожённого взгляда, сползаю со стола и пачусь, пока не упираюсь спиной в подоконник. Колени немного подрагивают. Я бы сейчас с удовольствием села, но второго стула тут, к сожалению, нет. С трудом сдерживаюсь, чтобы не сесть прямо на пол.

– Мне ключи бабушка Алексея дала, – поспешно оправдываюсь, чтобы незнакомец не подумал ничего плохого. – Сказала, что он разрешил тут пожить. Временно. А вот вы... Откуда у вас ключи от его квартиры?

Знаю, что наглею, но мне же надо понимать, что делать дальше.

Мужчина хмыкает, но отвечать не торопится. Вместо этого молча проходит по мне изучающим взглядом. Так и ведёт сверху вниз, останавливаясь на стратегически важных местах: глаза, губы, грудь, бёдра, ноги. А потом в том же порядке возвращается назад.

Чувствую себя куклой в магазине. Рассматривает, будто купить хочет. Кошусь на валяющуюся на полу подушку. Нестерпимо хочется прикрыться хотя бы ею. Но она лежит недалеко от ног незнакомца, поэтому приблизиться и поднять её не решаюсь.

– Эй, я вас спрашиваю, – чувствую, что щёки краснеют, но стараюсь держаться. И чего я, прежде чем из комнаты вы-

бегать, хотя бы халат не накинула?

Настаиваю не из любопытства, а чтобы выяснить, права ли я в своих выводах и действительно ли мужчина тот, на кого я думаю.

– Я тут иногда ночью, – отвечает он после минутного раздумья. – Но ты уже в курсе. Поэтому сделал дубликат, чтобы Марию Яковлевну лишний раз не беспокоить.

Поджимаю губы. Проверку незнакомец прошёл, он действительно друг Алексея. Я ведь специально не говорила, как зовут бабушку хозяина квартиры. Кроме того, его ответ вполне логичен – если его жена выгоняет из дома, и он приходит сюда ночевать, вряд ли каждый раз ему удобно беспокоить старую женщину.

– И часто... ночуете?

– Я же сказал – иногда, – уклончиво отвечает он. – А ты здесь надолго?

Что за вопросы? Это он так ненавязчиво намекает, чтобы я из квартиры выметалась? Не слишком ли часто меня в последнее время отовсюду выгоняют? И вообще, что он мне тыкает? Я же с ним вежливо разговариваю.

Несмотря на заведомо проигрышную ситуацию, начинаю злиться.

– Завтра вечером съеду, – ага, выкуси. Завтра, а не сейчас. И продолжаю с намёком: – А послезавтра Алексей приезжает.

Вот. Съел? У тебя свой дом есть, туда и иди. С женой ми-

риться.

– Я знаю.

Мнусь, не зная, как ещё до него донести, что спальное место занято, и дополнительным приживалкам здесь не рады.

– А почему вы здесь ночуете, а не в гостинице?

Красивые, слегка полноватые губы складываются в лёгкую ухмылку.

– Наверное, потому что зарплата не позволяет? – иронично отвечает вопросом на вопрос и тут же задаёт встречный: – А ты?

– Что я?

– Почему тут живёшь?

Краснею ещё сильнее. Ну вот и что отвечать? Потому что меня тоже из дома выгнали, только, в отличие от него, навсегда?

– Не ваше дело!

– Понятно. Ну и как тебя зовут?

– Не скажу. Вам-то какая разница?

– Мне? Да никакой, – неожиданно спокойно соглашается мужчина. – Чай будешь?

Растерянно моргаю. Какой чай? Он что, не собирается уходить? Нет, ну это вообще наглость. Я первая сюда пришла.

– Извините, но я спать хочу, а мне завтра на работу.

– Хорошо. Иди, спи.

В каком смысле?

– А вы?..

– Ну, диван у Лёхи один. Если не предлагаешь лечь рядом, то я тут посижу. Мне вообще-то тоже с утра на работу.

– Ну так идите спать... домой.

– Нет, домой не пойду. Мне и здесь неплохо.

Да что ж такое-то? В конце концов, на дворе лето, а он – взрослый мужчина. Ну, не мне же на улицу идти? Мог бы уступить слабой женщине.

– Знаете, – решаюсь, – я передумала. Лучше я уйду. А вы тут оставайтесь. В конце концов, Алексей – ваш друг, а не мой.

– И куда ты ночью пойдёшь?

Хороший вопрос. Марию Яковлевну беспокоить не хочется. Напугаю ещё своим ночным визитом. Всё-таки у неё возраст, давление.

М-да, у меня просто выбор без выбора: или провести ночь наедине с незнакомцем, или встретить незнакомцев на тёмной улице...

– Я... найду, куда.

Да хоть на лавочку у подъезда, там вроде бы фонарь горит, только бы не оставаться с этим типом в одной квартире. Тем более...

О-о-о, он же сюда с ружьём пришёл!

Нет, я, конечно, могу предположить, что он – охотник, поэтому с ружьём ходит. Но с каких это пор на охоту ходят в джинсах и футболке? И где его рюкзак?

Да ну, из него такой же охотник, как из меня балерина.

Отклоняюсь, с тревогой смотрю через плечо незнакомца на оставленное в прихожей палку-ружьё и удивлённо приподнимаю брови.

То, что стоит в углу, принять за ружьё можно только в темноте или с перепугу. Ну или если это комбо. Перевожу растерянный взгляд на ноги брюнета. Одна совершенно естественно согнута в колене, а вот вторая слегка вытянута вперёд. Он сидит так же, как и в тот момент, когда я пыталась напасть на него. Можно предположить, что ему просто так удобно, но учитывая предмет, который я поначалу приняла за ружьё...

Чувствую, что не только щёки, но даже уши и шею заливает краской. Вот это я дала... У человека очевидные проблемы со здоровьем, вернее, с ногой, иначе бы не сидел так и не ходил с тростью, а я на него ещё и напала. И на улицу спать отправляю.

– Вы меня извините, но я, правда, сейчас быстро соберусь и пойду, – выдавливаю, жутко смущаясь и злясь на себя. – А вы тут оставайтесь, отдыхайте. Если хотите, я вам диван перестелю. Ещё раз извините, я не поняла сразу...

Замолкаю и испуганно отшатываюсь в угол, когда вижу, как его взгляд резко холодеет, а потом покрывается корочкой льда. От него будто полярной стужей веет. И это очень страшно. Я таких эмоций не испытывала, даже когда Витя меня в измене обвинял.

Мужчина медленно встаёт, а у меня сердце в пятки проваливается. В маленькой кухоньке спрятаться некуда, поэтому замираю испуганным сусликом и молча паникую.

– Обойдусь без твоей жалости, – выплёвывает он. И в его голосе мне слышится столько холодной ярости, смешанной с презрением и обидой, что я невольно опускаю глаза и сглазываю.

Отчётливо слышу скрип зубов. Мужчина разворачивается и, слегка прихрамывая, в несколько шагов доходит до двери. Схватив трость, он с силой распахивает дверь и исчезает в коридоре. Щёлкает, закрываясь, замок, а я на трясущихся ногах дохожу до стула и тяжело на него плюхаюсь.

Я ведь ничего плохого не имела в виду. Как так-то?

Глава 7

Этой ночью практически не сплю. Ненадолго проваливаюсь в короткое забытё, когда кажется, что только закрыла глаза, а уже прошло пару минут, и тут же подскакиваю, с тревогой и ожиданием прислушиваясь к тому, что происходит за дверью.

Но там ничего не происходит – полнейшая гробовая тишина.

Нет, конечно, какие-то звуки есть: кто-то устало топчет, возвращаясь с ночной смены, кто-то, наоборот, спешит пораньше на работу. Но того самого звука поворота ключа, которого жду то ли с ужасом, то ли с нетерпением, не слышу. Не знаю, на что я надеюсь больше: что мой ночной гость вернётся, или же я его больше не увижу.

Всю ночь не удавалось отпустить ситуацию. И вот уже совсем рассвело, а меня по-прежнему изнутри гложет страх. Он смешивается со стыдом и какой-то липкой неловкостью, давит на грудную клетку, не давая ни вдохнуть, ни выдохнуть. Не знаю, что произошло в жизни мужчины, но это до сих пор его не отпускает и болит. А я, похоже, своей жалостью попала точно в эту рану. Нет, не ту, что снаружи, а ту, что внутри него, в душе.

Утром встаю совершенно разбитая. Тело болит, будто я

всю ночь вагоны разгружала. Но внутренние терзания намного сильнее. Хочется сгладить неловкость. Вот только не перед кем.

Можно попросить у Алексея номер телефона мужчины, но что я ему скажу? Что хочу встретиться с его другом и извиниться за свои слова, сказать, что не хотела обидеть?

Представляю, какими глазами сначала на меня посмотрит Лёша, а потом и сам брюнет. А если рядом окажется жена, с которой он в очередной раз помирится? Так и представляется ситуация из анекдота и коронная фразочка: «Дорогая, это не то, что ты подумала».

Фыркаю в кружку, расплёскивая чай. Вот, казалось бы, не смешно, а я невольно смеюсь. Какая-то ненормальная стала в последнее время, неправильно реагирую на всё, делаю неверные выводы. Это всё от стресса и усталости. Нужно отдохнуть и успокоиться. Вот только на это сейчас нет времени.

Быстро собираюсь на работу и выбегаю на улицу. Солнце нещадно слепит глаза, и я щурюсь, разглядывая пропылённые кроны нависших над тропинкой тополей и прозрачно-голубое безоблачное небо. Мария Яковлевна сказала, что быть дождю, потому что коленки крутит, но прогноз погоды обещает очередной жаркий день, и в этот раз он, кажется, прав.

– Юночка, доброе утро, – Мария Яковлевна машет рукой и приветливо улыбается.

Она стоит немного в стороне от остальной толпы ожидающих автобуса людей, привычно спрятавшись под тёмным козырьком остановки.

– Доброе, – киваю в ответ и, не давая себе шанса передумать, рассказываю женщине о ночном визитёре, а после задаю терзающие меня вопросы.

Голос дрожит и срывается. Мне немного стыдно и неловко, будто я сама этого визитёра пригласила, но по лицу женщины вижу, что она не осуждает и не винит. Слушает молча, не перебивая, а потом качает головой:

– Илюша с Лёшкой и ещё одним другом чуть ли не с пелёнок дружат. Только после школы их дороги разошлись. Лёшка и тот парень учиться пошли, потом армия, работа. А Илья сначала пошёл в армию, а потом уже отучился в техникуме и в электросети устроился. Сначала электриком был, потом стал мастером. Парень умный, серьёзный, рукастый. Ему даже повышение предложили, только сначала нужно было отучиться. Он в институт поступил, заочно, конечно. И вот, вроде всё удачно складывалось. Женился, квартиру с женой в ипотеку взяли. Но два года назад несчастье случилось – Илья в аварию попал.

Женщина замолкает, вытирая пальцами уголки глаз.

– Он сильно пострадал, да? – спрашиваю едва слышно.

Она кивает.

– Машина всмятку, а его самого едва с того света вытащили. Сильно головой ударился. Так что открытый перелом

ноги – это не самое страшное, что с ним случилось. Лёшка тогда часто к нему в больницу ездил. Едва с вахты возвращался, сразу ко мне за пирожками забегал и в больницу, к другу. Поэтому я всю его историю почти полностью знаю.

Женщина тяжело вздыхает, а я кусаю губы от переживаний.

– Илья в больнице почти полгода пролежал. Марина, жена его, поначалу ухаживала, терпела. Но видно, такая у неё любовь была, раз ненадолго хватило. Женщине ж ласка нужна постоянная. А тут какая ласка, когда ты лежачий и неизвестно, когда встанешь.

Я стою молча, пытаюсь справиться с дыханием, а Мария Яковлевна немного помявшись, кидает насторожённый взгляд на стоящих неподалёку девчонок и, понизив голос, продолжает:

– В общем, нашла она себе мужика. Для интереса. Сама понимаешь... И давай с ним крутить. Поначалу никто не знал, но Маринка совсем обнаглела, стала его в квартиру водить. Соседи ж не слепые, всё видят. Поэтому, когда Илью из больницы выписали, «добрые» люди всё ему рассказали. Илья тогда из дома ушёл и несколько недель у Лёшки жил. Потом вернулся, конечно, но ладной жизни у них больше не было. Я его ещё подростком помню – такой открытый и весёлый он был. А после всего случившегося его как подменили. Друзей всех отвадил, вот только Игорёк да Лёшка у него и остались. Да и то только потому, что они сами от него

не отказывались. Лёшка всё повторял, бабуль, если я друга брошу, я же сам себя уважать перестану.

Женщина замолкает.

Жду продолжения, но его нет. Сглатываю и так же тихо спрашиваю:

– А почему он до сих пор к вашему внуку ночевать приходит? Они же, как я поняла, с Мариной помирились?

Мария Яковлевна пожимает плечами.

– Лёшка мне не говорил, но, наверное, не всё у них ладно. Да и так я всё, что знаю, больше краем уха от соседок да знакомых слышала. Лёшка про Илью не сильно-то распространяется.

– А как же Марина мужика водила? Неужели не боялась, что дети увидят или поймут?

– Так нет у них детей. Не успели завести, – отвечает она и кивает в сторону: – Автобус, Юночка. Пошли.

Машина Ильи после аварии

Заходим с Марией Яковлевной в автобус, я машинально прикладываю карту к терминалу и прохожу вперёд.

Шум, запах пластика и пыли, дребезжание пола под ногами – всё это уходит на второй план. Сесть некуда, поэтому практически привычно лежим друг на друге. Цепляюсь за поручень и смотрю на улицу, хотя ничего там толком не вижу. В ушах так и звучит фраза: «Не совсем помирились,

не до конца...»

Илья. Теперь я вспомнила, что Мария Яковлевна уже говорила, как его зовут. И я понимаю, почему он такой колючий. Не потому что просто вредный, грубый или невоспитанный. А потому что пережил предательство. Как и я.

Поэтому и злился. Не на меня конкретно. На всех женщин. Я бы, наверное, тоже злилась, если бы оказалась на его месте. Это же как нужно было его раздавить, чтобы он стал таким?

Если он вместе с Алексеем учился, значит, ему сейчас тридцать два или тридцать три... Молодой совсем, а уже с такой бедой столкнулся. И физически пострадал, и морально.

Но всё равно он красивый и видный мужчина. Несмотря ни на что, на себя не плюнул. Судя по фигуре, спортом занимается. И волосы у него красивые, немного выующиеся на концах. А голос низкий, я бы сказала, с сексуальной хрипотцой... Особенно, когда рычит. И лицо у него какое-то... настоящее. Не глянцевого, «приглаженного», а такое... чисто мужское. Такому не надо стараться понравиться женщинам, они и так должны на него пачками вешаться. А он почему-то с женой до сих пор живёт. С предательницей. Наверное, сильно её любит.

А она, жена его, Марина... Глупая. И подлая. Я таких не понимаю и не уважаю.

Не знаю, что у них было до аварии, но после... Так не поступают, если действительно любишь. Ты же жена, женщина,

надёжный тыл. Поэтому либо рядом оставайся, либо уйди честно, раз почувствовала, что не выводишь ситуацию. А не води мужиков в квартиру. Это не «ласка нужна», не права здесь Мария Яковлевна. Это предательство. Самое обычное. Самое низкое. Хуже нет, если предают того, кто себя защитить не может.

В салоне жарко, даже душно, а меня от озноба потряхивает. Я будто чувствую, каково это – лежать в больнице, не зная, встанешь ли снова, и ждать, надеяться... А потом узнать, что тебя предали в тот момент, когда ты больше всего нуждался в помощи и поддержке.

Поправляю ремешок сумочки на плече и снова понимаю, что мне в этом плане повезло. Своеобразное везение, но всё-таки... Меня тоже предали, но я хотя бы здорова, а потому могу за себя постоять, могу сама себя обеспечить. Да, мне определённо повезло, а Илье – нет.

Теперь я понимаю, почему он тогда так вспыхнул, когда я его пожалела. Я ведь и правда пожалела. Не специально, не со зла. Наоборот, хотела, как лучше. А он это понял и разозлился. Потому что не хочет выглядеть жалким и слабым в чьих-то глазах. Особенно в женских.

И это даже не гордость. Это защита. Инстинктивная. От боли, от воспоминаний, от ощущения, что он снова лежит в больничной палате, а дорогой человек в это время где-то развлекается с другим. И это заставляет его чувствовать себя снова беспомощным, одиноким и никому ненужным. Обу-

зой.

Илье не жалость нужна. Ему нужно, чтобы его воспринимали как равного. Как мужчину, человека, у которого просто другая реальность – не хуже и не лучше, просто другая.

Но я ведь этого не знала. Хотя от этого не менее стыдно. Потому что я, вроде бы, сама такая – терплю, молчу, держусь изо всех сил, чтобы только не показаться слабой. И всё равно допустила ту же ошибку, которую не переношу в адрес себя.

Может, именно поэтому меня мысли о нём не отпускают. Не потому, что красивый (хотя самой себе можно было бы и не врать – и красивый тоже), но ещё потому, что есть в нём что-то такое... знакомое. Как будто мы с ним одного поля ягоды. Только росли по разные стороны забора – он в поле, а я внутри, на ухоженной и удобренной грядке. Просто его раньше за забор выкинули, а меня – совсем недавно.

Усмехаюсь подобному сравнению. Одного поля ягодки, да... Я напала, он напал, он обидел, я туда же. Интересное (не)знакомство.

Мария Яковлевна что-то говорит, но я почти не слышу. Киваю машинально, а в груди беспокойно. Мысли клубятся, как пар над кипятком. У меня столько дел важных. День важный. А я ночь не спала, думала. И вот утро уже, а я всё думаю... о чужом мужике. Да... О чужом женатом мужике.

Нет, не буду унижать его дополнительно своими извинениями. Наизвинялась уже, хватит.

Выпрыгиваю из автобуса и вслед за девчонками быстрым

шагом иду в цех. Спецзаказ уже практически выполнен, сроки соблюдены, поэтому антипремия нам не грозит, и этот факт несказанно радует.

– Андрей сказал, что после его отпуска у нас будет какой-то новый заказ. Оплата вроде бы даже лучше, чем за этот, – с радостной улыбкой сообщает Яна после обеда.

Я киваю. Новый заказ – это всегда интересно. А деньги, они всем нам нужны. Ради них работаем, а не ради удовольствия.

В три часа освобождаю рабочий стол, сообщаю Андрею, что я закончила и бегу на остановку. Сажусь в подъехавший автобус, достаю из сумки булочку и бутылку с холодным чаем. Я сегодня работала без обеда, поэтому желудок уже болезненно ноет, напоминая нерадивой хозяйке, что без «топлива» мы с ним долго не протянем.

К нужному мне общежитию подбегаю прямо вовремя. У входа стоит невысокая седовласая женщина и напряжённо оглядывается.

– Таисия Егоровна? – выдыхаю.

Женщина меня внимательно оглядывает. Я бы сказала, прощупывает будущую квартиросъёмщицу на предмет наличия ветра в голове и легкодоступности под юбкой. В общем, пытается предварительно понять, не будет ли у неё в будущем из-за меня проблем с соседями.

По довольному взгляду и едва заметной улыбке понимаю, что предварительное собеседование я прошла.

– А вы – Юнна? – на всякий случай спрашивает она.

– Это я, – киваю и улыбаюсь.

Я ещё не видела комнату, но понимаю, что тут выбираю не только я, но и меня, потому что договор о съёме – дело обоюдное. Не понравлюсь хозяйке, могу и вовсе доступ «к телу» не получить. А у меня сегодня крайний срок.

– Ну что мы стоим? Может, пройдем внутрь? – спрашивает женщина, указывая на дверь.

Заходим в общежитие. Ароматы сбивают с ног прямо от двери. Нет, не те, что вы подумали. Нормальные ароматы: еды, постиранного белья, побелки и лёгкой затхлости старых деревянных полов.

Это обнадёживает.

– Ну вот, здесь у нас вестибюль, – Таисия Егоровна обводит рукой обширный холл с приткнутыми по углам детскими колясками, складными самокатами и велосипедами. – Вахтёрши нет. Раньше была, но теперь не положено. Да и не нужна она здесь. Дверь с домофоном, а кому не положено, те как раньше проскакивали, так и сейчас проскакивают.

– Кому не положено? – удивлённо и немного насторожённо переспрашиваю я.

– А, – машет рукой женщина, – так алкашам всяким. Но ты не пугайся, – она перехватывает мой взгляд и смеётся, – после восьми часов входная дверь на ключ закрывается. И открывается в шесть.

– А ключ?

– Ключ у каждого есть. И у вас будет.

Выдыхаю с облегчением.

Поднимаемся на третий этаж. Где-то вверху раздаётся звонкий детский смех, а затем по лестнице с топотом несутся две малышки лет пяти, а за ними торопливо спускается мама ещё с одним малышом на руках.

Вообще, в общежитии достаточно шумно. Воздух как будто наполнен разговорами – кто-то возвращается с работы, кто-то ведёт детей гулять. Всё звучит громче, чем в обычном доме, но меня это не раздражает. На мгновение даже кажется, что весь этот галдёж – прямое доказательство того, что жизнь продолжается.

Итак, третий этаж. Третья дверь слева, обычная, деревянная, немного облупленная. Если всё срastётся, это дверь моего будущего жилища.

Таисия Егоровна поворачивает ключ в замке и пропускает меня вперёд.

Первое, что бросается в глаза – большое светлое окно, занавешенное молочного цвета тюлем, и тяжёлые тёмно-серые шторы, сейчас собранные в сторону.

Вдоль правой стены стоит большой современный шкаф. По левой стене, ближе к входу – маленький кухонный уголок, состоящий из стола и пары стульев. Рядом высокий двухкамерный холодильник с парой магнитиков и календариком на дверце. Чуть дальше – широкий диван с мягкими подушками-спинками.

Общую картину немного портит старый линолеум. Он в одном месте вздулся, а около дивана, прямо на стыке, видна большая щель. Не критично, но глаз зацепился.

– Хорошо тут. Уютно, – улыбаюсь я.

Мне действительно здесь нравится. То ли я такая везучая, то ли плохих людей на самом деле намного меньше, чем хороших. И это только добавляет веру в то, что всё у меня получится.

– Мы здесь с мужем жили, – поясняет Таисия Егоровна.

Пока я брожу по комнате, с интересом рассматривая мебель, женщина присела на один из стульев.

– Скажите, – поворачиваюсь к ней, стараясь, чтобы голос звучал нейтрально, – почему такая цена? Просто я смотрела похожие варианты, и там было столько же, вот только обстановка... Ну... – я запинаюсь, – ...не слишком новая.

– Потому что мне не в накладку, – спокойно говорит она. – Мы здесь не живём летом, в деревню уезжаем, в материн дом. А теперь и вовсе решили туда перебраться насовсем. Слава мой на пенсию выходит в октябре, да и я больше в город не рвусь. Годы уже не те, и суета мне эта не в радость.

Она делает паузу, о чём-то задумавшись, а потом продолжает:

– А комнату пустой держать... Зачем? Сдавать кому попало я боюсь, поэтому несколькими претендентам уже отказала. А вы мне понравились. Видно, что девочка серьёзная, не шалей-валяй. Так что пусть уж лучше будет так, как есть.

Зато у меня на душе спокойно.

Женщина встаёт и открывает встроенный в нишу деревянный шкаф с крашеными дверцами.

– Кстати, я тут немного посуды оставила, – поясняет она. – Всё чистое. Пользуйтесь на здоровье. Холодильник, если что, не шумит. Была плитка электрическая, но она сгорела. Так что плита в общей кухне справа, женский туалет там же, следующая дверь. Но это я сейчас покажу, если договоримся. Мужской туалет слева по коридору. На всякий случай говорю.

– Я никого водить сюда не собираюсь, – оправдываюсь на всякий случай. – Мне вообще отношения больше не интересны.

Женщина понятиливо кивает, никак не комментируя. Свою историю я успела обрисовать вкратце, пока мы поднимались по лестнице: развожусь с мужем, квартира его, родители далеко, взрослая дочь живёт с парнем.

Заглядываю внутрь шкафа: аккуратно сложенные тарелки, кружки, эмалированная кастрюля с крышкой, сковорода, скромный набор столовых приборов. И электрический чайник.

– Спасибо, – говорю искренне. Я и не рассчитывала на подобную щедрость, думала, всё придётся покупать. – Это... очень неожиданно и приятно.

– Я когда-то сюда с двумя чемоданами въезжала, – усмехается Таисия Егоровна. – Знаю, каково это – начинать с нуля.

Вот и решила: пусть новому жильцу будет чуть-чуть легче.

Закончив с осмотром комнаты, мы выходим в коридор. Женщина показывает мне кухню, на которой как раз готовит ужин одна из моих будущих соседок. Они здороваются и перебрасываются парой фраз.

Следом за газовыми плитами стоят в ряд несколько стиральных машин с написанными на них номерами комнат. «Мой» номер тоже есть. Супер!

– плитой можно пользоваться любой, главное больше двух конфорок одновременно не занимать, – продолжает объяснять Таисия Егоровна. – Раковину после себя сразу мыть. Только не своей губкой. Вот здесь тряпки висят, они общие. Вымыла плиту и раковину после себя, тряпочку сполоснула и повесила.

Я снова киваю. Мне и весело, и волнительно, и почему-то квест напоминает. По общему житию в общежитии.

– Полы в коридоре и на кухне моем каждый вечер по очереди, вот график по номерам комнат, – женщина указывает на таблицу, прикреплённую к дверям кухни, и уводит меня на экскурсию в туалет.

И тут меня ждёт удивительное открытие. Туалет состоит из двух комнат. В дальней комнате три закрытых кабинки, а вот в ближней – ряд раковин, а после них – душ. Самая настоящая лейка!

– Так душ в подвале, – с удивлением произношу, указывая на него. – А это?..

Таисия Егоровна немного склоняет голову набок и улыбается.

– Я знала, что тебе понравится. Можно же на «ты»? – я киваю, и она продолжает: – Вечером, когда уже никого нет, можно им пользоваться. Только недолго, чтобы другие не жаловались. В подвале тоже душ есть, там можно мыться в любое время. Только тапочки резиновые купи, всё-таки место общественное.

Стою и восторженно улыбаюсь. Счастье, ты есть!

Комната в общежитии

Глава 8

Дальнейший вечер завертелся с бешеной скоростью.

Пока я переводила оплату за первый месяц, Таисия Егоровна успела подключить холодильник и переписать показания счётчика.

Смеясь и болтая, вместе выходим на улицу. Прощаемся, и она, довольная, садится в подъехавшую машину мужа, а я, не менее довольная, бегу за вещами в своё временное жилище.

Вернувшись в общежитие, бросаю пакеты на диван, закидываю скоропортящиеся продукты в холодильник и тут же мчусь обратно. Подчищаю за собой в квартире Алексея, возвращаю ключи Марии Яковлевне и параллельно приглашаю её завтра скромно посидеть, отметить моё новоселье.

Перед работой заглядываю в торговый центр, где покупаю большое банное полотенце, резиновые сланцы и комплект постельного белья. Подушки и одеяло, как сказала Таисия Егоровна, лежат в шкафу.

Полы в салоне красоты натираю с особым усердием, будто готовлюсь к приёму столичных гостей.

Усталость не ощущаю. Внутри будто моторчик фырчит: «Давай, Юнна, шевелись, жизнь – это движение».

Эх, жизнь... как ни крути, а всё-таки ты прекрасна.

Покончив на сегодня с работой, подключаю второе дыха-

ние и бегу в общежитие. Влетаю в комнату, разубаюсь, на бегу выкладываю вещи на полки в шкафу, кое-что вешаю на плечики и, наконец, с чувством выполненного долга валюсь на диван.

Тело приятно ноет от усталости, но внутри продолжает бурлить весёлый мандраж. Чувствую себя тачкой из знаменитого фильма про двух друзей-полицейских: иногда нуждаюсь в том, чтобы меня погоняли на предельной скорости.

Гляжу в белый потолок и мысли только о том, как всё-таки мне повезло. Сначала Мария Яковлевна поддержала, теперь и со съёмной комнатой удачно получилось. Ну, красота? Красота!

На волне эйфории не сразу понимаю, что кто-то уже с минуту усиленно стучит в дверь.

Поднимаю голову, замираю и сверлю её взглядом.

Снова стучат. Теперь уже громче и гораздо нетерпеливее.

Кто это там? Гости? Ко мне? Но я же тут никого не знаю. Может, соседи знакомиться пришли? Как-то очень уж настойчиво хотят. Так хотят, что с потолка едва что штукатурка не сыплется.

Цепляю на лицо вежливую нейтральную улыбку, открываю дверь и вижу перед собой женщину лет семидесяти в застиранном халате.

– Добрый вечер, – приветливо здороваюсь и вопросительно приподнимаю брови.

– Какой же он добрый? – огрызается та, осматривая меня

с ног до головы и сурово сдвигая брови. – Десятый час, а полы не мыты.

– Какие полы? – искренне не понимаю.

– В коридоре, – она обводит рукой пространство за спиной. – Тут у нас очередь.

Моргаю и осматриваю коридор вслед за ней. Про очередь я в курсе, но Таисия Егоровна смотрела график и ни слова не сказала, что сегодня мой черёд.

– И что? Я только что въехала, – на всякий случай уточняю.

– Ты у Таськи комнату снимаешь? – спрашивает бабка с нажимом на последнее слово.

Киваю.

– Ну вот. Она тебе должна была сказать, что мы тут по очереди моем. А она свою очередь пропустила. Значит, ты сегодня моешь за неё.

Стоп. Что?

Я даже не сразу нахожусь, что ответить.

– Простите, но я только сегодня заехала, – повторяю медленнее. Ну, вдруг старушка глухая или непонятливая в силу возраста. – До меня тут кто что не мыл, меня не касается. В следующий раз включайте меня, без проблем. А сейчас какие ко мне претензии?

Женщина морщит нос, глаза злобно поблёскивают. Кажется, кто-то готовится к скандалу.

– А если я сообщу, что ты тут без прописки живёшь?

Оу, нас пошёл шантаж. Прекрасно.

– Так я по договору живу. Всё официально, – стараюсь отвечать спокойно, но внутри уже начинает потряхивать.

– Ты со мной не спорь, – она повышает голос, и грудь, не обременённая бюстгалтером, воинственно колыхается. – Я тут по этажу старшая! Могу устроить так, что сегодня снимаешь, а завтра съезжаешь! Поняла?!

Вот тебе и новоселье...

Хорошее настроение куда-то испаряется. А ведь так хорошо начиналось.

Решаю не усугублять. Может она мне устроить преждевременный съезд или нет, не знаю, но проверять не буду. Лучше завтра Таисии Егоровне позвоню и уточню уровень могущества бабки.

– Хорошо, – выдыхаю. – Сейчас вымою.

– Ещё кухню и два туалета, – добивает скандалистка.

Я сдержанно киваю.

– Поняла. Только покажите, где инвентарь брать.

Она закатывает глаза так, будто я в пятый раз попросила у неё денег в долг, а предыдущие четыре так и не отдала.

Терпеливо жду, когда закончится этот театр одного актёра. Не покажет, чем мыть, так и мыть не буду. В конце концов, я и не обязана. Наверное...

Недовольно поджав губы, бабка разворачивается и ведёт меня в туалет, показывает поставленное в углу старое пластмассовое ведро и выдавшую виды деревянную швабру.

– Тряпку потом хорошенько прополощи, – фыркает бабка напоследок и с царским видом удаляется по коридору.

С минуту растерянно смотрю на её спину.

С ума сойти. Не успела въехать, а уже отрабатываю. По-знакомилась, называется, с соседями...

Хотя... По сравнению с тем, как я жила раньше, это даже ничего. В любой момент можно уйти в комнату и закрыть дверь с другой стороны.

Первым делом обуваюсь и, лелея тайную надежду, что ещё не всё закрыто, иду за незапланированными покупками. Если я правильно помню, за углом видела магазинчик, и он работает до десяти. Значит, шанс успеть есть.

Мне везёт. Дверь открыта настежь, внутри горит свет.

Выдыхаю с облегчением. Не хотелось бы мыть общественные полы голыми руками.

Покупаю две пары резиновых перчаток и самое дешёвое средство для мытья полов. Стеллаж с моющими средствами не поражает разнообразием, зато цены – очень даже. Но выбора нет. Не знаю, как тут у них принято, но я привыкла выполнять работу качественно, а потому приходится потратиться.

Возвращаюсь в общежитие, переодеваюсь в старую футболку и шорты, надеваю перчатки и начинаю уборку с кухни. Потом коридор, потом туалеты.

В коридоре люди снуют туда-сюда. Кто-то идёт с пакета-

ми, кто-то в тапках и с полотенцем спешит занять душ, кто-то болтает по телефону и прямо по свежевывмытым полам слоняется туда-сюда. Никто не здоровается и даже не смотрит в мою сторону.

Ну да. Такое отношение здесь, наверное, в порядке вещей. Несмотря на близкое соседство, люди в общежитии не отличаются дружелюбием. И это немного печалит. Не то чтобы я хотела здесь с кем-то подружиться, но и настолько явное игнорирование коробит.

Выжимаю тряпку, чувствуя, как ноют руки. Что ж, Юнна. Добро пожаловать в новую реальность.

Возвращаю инвентарь на место, снимаю перчатки, мою руки и, наконец, иду в комнату. За окном уже темно. Желудок возмущённо бурчит. Съеденной в обед булочки ему несказанно мало.

Открываю холодильник, заглядываю внутрь. Выбор широк: яичница или омлет. Королевское меню. Ну что ж, сегодня будет яичница, завтра омлет. А потом опять поменяем их ролями, так сказать.

На кухне тихо. Лампа под потолком изредка лениво моргает. В коридоре тоже стало заметно тише. Время позднее, большинство жильцов уже готовятся ко сну.

Пока яичница тихо шкворчит на сковородке, подхожу к окну, разглядывая темноту за стеклом.

– Привет.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. В кухню заходит девуш-

ка лет тридцати в домашнем брючном костюме. Приятная, улыбчивая. Окрашенные в модный серебристый цвет волосы собраны в небрежный пучок на макушке.

– Привет, – осторожно улыбаюсь.

Интересно, она тоже пришла, чтобы впихнуть мне ещё одно «дежурство по общежитию»? Или ещё что придумает?

– Ты у Таисии Егоровны живёшь, я видела. Родственница? – продолжая улыбаться, интересуется она.

– Нет, снимаю, – отвечаю, чувствуя, как насторожённость чуть отпускает. Кажется, не все соседи настроены ко мне агрессивно. В любом случае, агрессии от незнакомки не чувствую.

Девушка кивает, проходит к раковине, набирает воду в бутылку и наблюдает за моей шипящей сковородкой.

– Поздний ужин. Не бережёшь фигуру. А я после шести не ем. Худею после родов.

Окидываю взглядом стройный силуэт девушки и неопределённо пожимаю плечами.

– Я не придерживаюсь определённой диеты, но обычно так поздно тоже не ем. Сегодня просто так получилось.

– Понятно, – кивает она и подходит ближе. – Я – Ирина. Мы с мужем и дочкой живём в комнате через две от твоей. Так что, если что, стучи, не стесняйся.

– Юнна, – в свою очередь представляюсь я. – Если что, постучу. И ты тоже.

– Я ещё вот что зашла, – девушка возвращается к двери

и показывает мне на график дежурств. – Если тебе Таисия Егоровна не показала, то вот здесь...

– Я знаю, – перебиваю её.

Понимаю, что веду себя невежливо. Но меня этот график уже напрягать начинает. Что они здесь все с ним носят?

– Да?.. – Ира оборачивается и с удивлением смотрит на меня. – А зачем ты тогда вместо бабы Нюры полы мыла? Сегодня вообще-то её очередь.

Смотрю на неё с лёгким изумлением.

– Если баба Нюра – это женщина в застиранном халате, то она мне сказала, что Таисия Егоровна пропустила свою очередь, и я должна мыть за неё.

Ирина фыркает и качает головой.

– Вот жучка. Таисии Егоровны с весны тут нет. И я в курсе, я же старшая по этажу, каждый месяц этот график составляю. Я её в этот график даже не включала.

Осознаю степень развода. Меня надула бабка. Обидно? Нет. Скорее, смешно.

– Она сказала, что она старшая, – фыркаю, выключая огонь под сковородой.

– Если только по возрасту старшая, а так все общие вопросы я решаю, – смеётся Ирина. – Вообще, баба Нюра у нас немного с прибабáхом. Ты её больше не слушай, и, если что, ко мне обращайся. Я с ней поговорю, чтобы она к тебе больше не лезла. Только боюсь, не поможет. Баба Нюра, она у нас такая...

– С прибабахом, – заканчиваю за девушку я.

Весело хохоча и заговорщически переглядываясь, мы покидаем кухню.

Захожу в свою комнату с ощущением, что мои общажные приключения только начинаются. Первый день на новом месте, а я уже успела влипнуть в местные интриги и передел власти.

Ужинаю, мою посуду, ползу в душ, расстилаю диван и валяюсь на него совершенно обессиленная. Спина гудит, ноги ноют, а в голове пульсирует мысль в следующий раз сначала думать и только потом соглашаться. Засыпаю мгновенно, как будто кто-то в голове выключил свет.

Утром на остановке, поглядывая на дорогу в ожидании маршрутки, со смехом рассказываю Марии Яковлевне о вчерашнем шоу имени бабы Нюры.

Женщина слушает внимательно и хмурит лоб, не разделяя моего веселья.

– Какая нахалка! – сурово подводит итог она. – Манипуляторша.

Пожимаю плечами и, покусывая губы, прячу улыбку.

– Да ладно. Зато я познакомилась не только с ней, но и с настоящей старшей по этажу. И, кажется, даже немного подружились.

Мария Яковлевна немного смягчается.

– Ты там поаккуратнее, Юночка. Я в общежитии по моло-

дости жила, знаю, как там – все и всё на виду. Соседи друг о друге намного больше знают, чем в обычном многоквартирном доме. Ну и как в любом коллективе, здесь тоже найдётся человек, мечтающий свалить свою работу на чужие плечи.

– Я поняла, – вздыхаю. – В следующий раз буду умнее.

Подъезжает маршрутка, и мы привычно лежим на соседях. Жизнь тянется по замкнутому кругу.

Вечером покупаю торт и как дорогого гостя принимаю у себя Марию Яковлевну. Женщина обходит комнату, с интересом рассматривая простую обстановку.

– Как вам у меня? – спрашиваю, нарезая торт.

– Уютно, – одобрительно кивает женщина, повторяя мои слова. – Всё по-человечески. Тебе действительно повезло.

– Я на одном сайте присмотрела микроволновку. Не новую, но рабочую, – рассказываю, пока заваривается чай. – Созвонилась с продавцом, завтра поеду смотреть.

Улыбаюсь. Начинаю обрастать нужными мелочами. Понимаю, что первое время траты самые большие, дальше легче будет, поэтому не расстраиваюсь. Про осень и тёплую одежду стараюсь не думать. Надеюсь, что доченька приедет и спасёт мои куртки и сапоги из «плена». Она ещё не в курсе, что произошло. Я не говорила, да и судя по отсутствию вопросов в сети, где мы с ней часто переписываемся по мелочам, Витя тоже не спешит «радовать» дочь новостями.

– О, это нужная вещь! – оживляется Мария Яковлевна. – Моей уже лет пятнадцать. Лёшка всё грозит выкинуть и

новую купить, а я не даю. Гreet, и ладно, а то, что старая – так и я не первой свежести одуванчик. Мы с ней обе социально активные пенсионерки.

Мы смеёмся, и недорогой торт под весёлое настроение кажется вкуснее, чем есть на самом деле.

– Может, и плитку сразу присмотришь? – предлагает женщина. – На кухню далековато бегать, да и неудобно.

– Не-е-е, – тяну и качаю головой. – Я пока не могу позволить себе такие траты. Хорошего понемножку.

– Так давай я тебе денег дам? Отдашь, когда сможешь.

Откидываюсь на спинку стула и хмурюсь. Не люблю долги. Свято помню присказку мамы: берёшь чужое, а отдаёшь своё.

– Мария Яковлевна, спасибо, но нет. Вы мне и так помогли, когда я и не надеялась. Мне просто стыдно постоянно вами пользоваться, поэтому буду решать проблемы по мере их поступления. Отсутствие плитки – не проблема. А с микроволновкой всё ещё намного проще станет. В ней же много всего можно приготовить, а не только греть.

– С таким подходом ты точно не пропадёшь, – смеётся женщина. – Даже бабу Нюру приструнишь.

– Только если шваброй. У меня теперь опыт есть. Последнюю неделю чувствую, что выхожу на новую ступень: полумойка уровня «Богиня».

Хохочем. Давно мне не было так весело и легко.

– Такой богине ничего не страшно, – говорит Мария Яко-

влевна, допивая чай. – Главное, никому не позволяй садиться себе на шею. А то любителей покататься целая очередь.

– Я уже учёная, – киваю. – Но ничего, пусть очередь подождёт. Теперь у них в графике я.

Она снова хохочет, и я вместе с ней.

Но долго посидеть не получается, «богиню» ждут полы в салоне.

Мария Яковлевна встаёт, шумно отодвигая стул.

– Побегу домой, богиня. Кошки некормленные. Потеряли меня, наверное. А ты, Юночка, не перетруждайся, пораньше спать ложись. А хочешь, приходи ко мне после работы. Поужинаешь да пойдёшь.

– Спасибо, но нет, – отрицательно мотаю головой. – У меня сегодня разгрузочный день, – указываю рукой на торт.

Ага, только разгружаю я сегодня не желудок, а кошелёк. То бишь, экономлю. Приду с работы, пожарю картошку, наемся от пуза и спать.

А пока провожаю коллегу, быстренько переодеваюсь и бегу нести в жизнь «прекрасное, свежее, чистое».

У меня теперь не жизнь, а марафон. Только вместо кубка – оплата за общагу в планах, микроволновка в перспективе и спокойная жизнь в мечтах.

Глава 9

Некоторое время живу, как заведённая. Ношусь с работы домой и обратно. Думать ни о чём не успеваю. А страдать по преданной любви так уж и подавно некогда. Да и сил на это нет.

С бабой Ньюрой несколько раз уже сталкивалась. То на кухне, то в коридоре, пару раз ещё утром в туалете. Я не стала выказывать своё «фи» по поводу её выходки. Правда, Ирина предложила в следующем месяце организовать ей двойное дежурство, но я отказалась, решив, что плохой мир лучше доброй войны. Только баба Ньюра так, видимо, не считает. Каждый раз при встрече со мной, услышав моё нейтральное «здрасьте», поджигает губы и отворачивается. Ой, ну и ладно, не очень-то и хотелось. Я внимания не обращаю, веду себя как ни в чём не бывало.

Дни летят за днями. Не успеешь глаза открыть, а уже снова ночь. И я совершенно забыла кое о чём очень важном, нерешённом. Но прошлое, на то оно и прошлое, чтобы порой напоминать о себе.

В один из дней сижу на работе и вижу входящий с незнакомого номера. Про телефонных мошенников в наше время только глухой не слышал, да и то, думаю, они, где надо, и сами об этом прочитали. Поэтому трубку не беру, работаю

спокойно дальше.

Андрей вышел из отпуска и отбил у конкурентов очень срочный и хорошо оплачиваемый заказ, поэтому весь цех едва что наизнанку не выворачивается, чтобы успеть выполнить работу вовремя. Я так и вовсе мысленно уже руки потираю, готовясь заказать в одном интернет-магазине новенькую двухконфорочную электроплитку. Так и представляю, как она займёт достойное место рядом с микроволновкой, и мне не придётся с кастрюлями и сковородками бегать туда-сюда по коридору.

Телефон замолкает, но через пару минут пилимкает сообщением. Ну, будем надеяться, что промывать мозги с помощью СМС-сообщений мошенники ещё не научились. Открываю сообщение, читаю и чувствую, как руки опускаются, а настроение неуклонно катится вниз.

«Ты почему трубку не берёшь? Задолбался звонить. В пятницу в час заседание в суде по поводу развода. Придёшь или нет, мне похрен. Просто уведомляю».

Подвисаю взглядом на медленно гаснущем экране.

Телефонный номер мне ни о чём не говорит. Видимо, Витя писал с телефона этой своей губастой. Его номер я заблокировала практически сразу, социальные сети и вовсе удалила. Согласна, поступок детский, тем более у нас общая дочь, и вполне вероятно, что по каким-то вопросам нам бы всё равно пришлось однажды общаться, но здесь уж что сделано, то сделано.

Но номер-то я не меняла, поэтому связаться со мной почти бывшему мужу труда не составило.

Что ж, спасибо, что уведомил. Хотя мог бы и не заморачиваться. Или торопится уже, прям коней подстёгивает, чтобы от меня отделаться? Видимо, там у него любовь! Нет, не так. ЛЮБОФФФ!

Экран давно уже погас, а я всё гипнотизирую его взглядом.

– Юночка, деточка, что случилось? – окликает Мария Яковлевна. – Ты такая бледненькая.

– А? – оборачиваюсь. Женщина внимательно разглядывает меня, с тревогой вглядываясь в лицо. – Ничего, всё нормально. Витя написал.

Коллега хмурится.

– Чего ему ещё надо?

– Потом объясню, – отмахиваюсь, стараясь беспечно улыбаться. Не хочу выносить на всеобщее обсуждение свою личную жизнь.

Мария Яковлевна понятиливо кивает. Да, в цеху ничего рассказывать о себе нельзя, тут же начнут обсуждать, давать советы, не спрашивая, нужны ли они тебе. Девчонки не злобные, просто руки работой заняты, а мозгу скучно, вот и болтают о чём ни попадая. Неделями могут косточки всем знакомым и знакомым знакомых перемывать не хуже бабулек на скамейке. Я и так уже раз проболталась, что живу теперь по другому адресу. И то тонна вопросов была. Пришлось гово-

ритель, что не всё гладко. Без подробностей.

Отключаю звук и убираю телефон. На сообщение не отвечаю.

В обед выхожу из цеха и некоторое время бесцельно гуляю по улице. Аппетита нет. Как и настроения.

Не то чтобы я вообще не думала о своей прошлой жизни. Думала иногда. Из-за усталости не до того было, но всё же порой по вечерам вспоминала. И анализировала.

Не всегда же и не постоянно я плохо жила. Витя меня не бил. Руку никогда не поднял. Ну ругал, да. Контролировал? Да, очень часто, даже в мелочах. Командовал? Почти всегда. Да ладно, чего уж себе врать – только его мнение и было всегда единственно верным и не подлежащим сомнению. Но в целом же, в целом, нормальная у нас жизнь была! Во всяком случае, я так думала. Без цветов по праздникам и нежных романтических слов на ушко по вечерам. Ну, уж какая была.

А ещё я иногда вспоминала нашу последнюю встречу. И женщину с губами, покусанными пчёлами, которую он уже открыто притащил к нам домой. Нет, не к нам. К себе. И мне даже не больно было вспоминать. Скорее, противно. Как будто я шла-шла, а потом раз! – и в чьи-то отходы продуктов жизнедеятельности вляпалась. Ну что ж, сама виновата, раз такое допустила.

А вот сам развод... Слово-то какое... Страшное... Я ведь знала, что меня ждёт. Понимала. Но как-то не головой, видимо.

Он все эти дни для меня был каким-то неосязаемым, нереальным, не ощущаемым физически. А вот теперь ощутился. И ещё как! Будто обухом по голове. Или мокрой тряпкой по лицу. Чтобы очнулась и поняла.

Развод.

Руки дрожат, дыхание перехватывает. Прячу ладони подмышки, сжимаю пальцы в кулаки.

Так страшно.

Представляю, каково это будет, стоять перед судьями. Ужасно, неловко. И стыдно. Будто это я виновата в том, что мы разводимся.

А вдруг они спросят, хочу ли я сохранить семью? Хочу ли остаться с Витей?

А я хочу?

Нет. Не после того, что он сделал.

А чего я хочу?

Просто жить. И принимать решения. Сама. И быть наконец-таки собой.

И если уж совсем честно, я просто устала от такой жизни. Я это только недавно поняла, когда одна жить стала. Когда у меня другая жизнь началась – свободная.

Да, вот так и отвечу.

И вообще, в голову впервые пришла такая мысль: а была ли у нас любовь? Мы же с Витей даже толком повстречаться не успели.

Ну да, я в него влюбилась тогда. Юная, глупая, ничего в

жизни не повидавшая. Но влюблённость же не всегда заканчивается любовью. Это я теперь понимаю, а тогда... Тогда моя влюблённость практически сразу привела к беременности, и дальнейшая жизнь после решения Витиной бабушки о браке потекла сама собой.

Ну, а Витя? Был ли он влюблён в меня? Или им двигало только желание, хотелка. Беременности он не обрадовался, это я как сейчас помню, но опять-таки с бабушкой спорить не стал.

Получается, так мы и жили, все эти годы связанные общим ребёнком и бытом.

А где же здесь любовь? Не знаю.

Грустная история. Но... не моя первая, не моя последняя. Сколько таких же, как мы, пар, женившихся «по залёту»? Сотни. Тысячи. И сколько из них в итоге разводятся? Скорее всего, многие.

Вот и наш черёд пришёл. Не сразу, но всё же. Мы ещё долго продержались. Хотя нет. Это я продержалась. А Витя... Витя изменял. Только я не хотела этого видеть, закрывала глаза и принимала за правду глупые отговорки. Это я тоже теперь понимаю. Ещё до губастой погуливал. Просто, видимо, она его сильнее других зацепила.

Рабочий день подходит к концу. Девчонки собираются и по одной начинают подходить к начальнику. Сверяются с нормами и выходят из цеха усталые, но довольные – нормы по плану очень высокие, но мы всё ещё умудряемся в них

вписываться.

Убираюсь на столе и тоже подхожу к Андрею. Параллельно предупреждаю, что в пятницу смогу работать только до обеда.

– Что-то случилось? – спрашивает он, рассматривая моё немного расстроенное лицо.

– Нет, всё нормально, – качаю головой, стараясь улыбнуться. – Просто неотложное дело.

– Понятно, – тянет он.

Иду вслед за остальными, но он снова окликает.

Оборачиваюсь и удивлённо вскидываю брови.

– Юночка, я побегу, – быстро шепчет Мария Яковлевна.

– Дочке обещала с внуком посидеть.

Киваю ей и подхожу к столу начальника.

– Точно всё нормально? – хмурится он.

– Да. Почему спрашиваешь?

– Ты выглядишь уставшей. Бледная, под глазами синяки.

Выдыхаю и краснею. Неловко.

– С мужем проблемы.

– Всё-таки приревновал? Давай я с ним поговорю.

– Поздно говорить. Мы разводимся, – признаюсь и тут же выставляю ладонь вперёд. – Но ты здесь ни при чём.

Немного нервничаю – с минуты на минуту придёт маршрутка, а следующая только через полчаса. Поэтому нужно поторопиться. У меня ещё сегодня встреча с половой тряпкой. Но и с Андреем, наверное, нужно объясниться. Я ему

доверяю. Мы с ним уже более десяти лет работаем. Он не похож на собирателя сплетен, но кажется, и до него какие-то слухи уже дошли. Ну и в графике, наверное, видел, что я теперь работаю без выходных. Вот и возникли вопросы.

– Я не хочу, чтобы у тебя были из-за меня проблемы. Если хочешь, я могу...

– Не надо, – отрицательно качая головой и отступаю на шаг. – Дело действительно не в тебе. У Вити есть другая женщина.

Мужчина на мгновение задумывается, а потом снова скидывает на меня встревоженный взгляд.

– Вот как... Тебе, может, помощь нужна? Адвокат, или что там ещё в таких случаях требуется?

Глубоко дышу, стараясь выровнять дыхание.

– Я справляюсь. Спасибо.

Разворачиваюсь и выхожу, смаргивая слёзы. Это что было? Сочувствие? Забота?

Ничего ни от кого не жду и не хочу. Я справлюсь. Сама.

Всхлипываю всё чаще и громче.

Столько времени держалась, и даже казалось, что вся эта нервотрёпка мимо прошла, не задев. Ну, поплакала поначалу, а потом не до эмоций вообще было, тут бы выжить как-то. Тогда что сейчас со мной происходит? Откат? Как-то поздно. И вообще не к месту.

Выхожу на остановку и вижу скрывающуюся за поворотом маршрутку. Опоздала. Ну вот, следующую ещё полча-

са ждать. На вторую работу теперь точно опоздаю... Ну, или придётся сразу туда ехать. А поужинаю потом. Если силы останутся.

Так жалко себя становится. Обманутую, уставшую, голодную.

Слёзы текут по щекам, не могу их контролировать. Да что же это такое? Злюсь, вытираю их, а на их место набегают новые.

Ну выяснила же для себя, что не было любви. Что жалеть-то себя? С чего так убиваться?

– Эй, ты чего?

Не заметила, когда рядом присел Андрей. Припаркованная рядом с остановкой машина моргает аварийками.

Отворачиваюсь и пытаюсь собраться.

– Да ничего.

– Юн, ну успокойся, – мужчина притягивает меня к себе, обнимает, ласково поглаживая по волосам. – Нормально всё будет, веришь? Он ещё пожалеет, что отказался от тебя. Как последний дебил, локти кусать будет.

– Не бу-удет, – неожиданно даже для самой себя завываю я и утыкаюсь мокрым носом в шею начальника. – Он уже давно изменяет.

– Ну тогда тем более дебил, не заслуживает тебя, – хмыкает Андрей. – Всё, заканчивай лить по нему слёзы.

– А я не по нему... – всхлипываю.

– Да? А по кому?

– Ни по кому. Мне просто обидно.

– Ну, если обидно, то, конечно, реви, – серьёзным тоном говорит Андрей. – Я бы на твоём месте тоже ревел.

– Что?! – от неожиданности перестаю плакать, отлипаю от услужливо подставленной груди и удивлённо хлопаю мокрыми ресницами.

– Столько лет потратила на идиота. Это действительно обидно, – поясняет он.

Тру лицо ладонями, стирая слёзы.

– Ты сейчас надо мной смеёшься?

– Я похож на юмориста? – спокойно спрашивает мужчина, глядя мне прямо в глаза. – Если за столько лет не разглядел, какое ему сокровище досталось, как его ещё назвать? Идиот и есть. Непроходимый тупица.

Шмыгаю носом.

– Не такое уж я и сокровище.

– Такое, такое. Мне, как мужику, со стороны виднее. Ты милая, добрая, спокойная, красивая, ответственная. Настоящее сокровище для любого нормального мужика, – не соглашаясь со мной, качает головой Андрей. – Так что успокаивайся и говори, куда тебя отвезти? Я не тороплю, но мне через полчаса жену забирать с работы.

– На Гвардейскую, двадцать шесть, – вытираю остатки слёз тыльной стороной ладони.

– Это рядом с «Золушкой»? – уточняет он, вставая и мягко утягивая меня к машине.

– Да, – киваю. – Общежитие.

Сажусь в машину. Андрей сразу же заводит двигатель и включает кондиционер.

– Ну поехали, Золушка. Тебя отвезу и за своей Золушкой помчусь.

Тяжело вздыхаю.

Андрей женат уже более тридцати лет, в прошлом году отмечали юбилей. И так удивительно, а местами и немного завидно, что он до сих пор любит свою жену. И, видимо, она его. Я в этом уверена. Он очень хороший человек. Как такого можно не любить?

– А ты для своей Золушки кто: принц или король?

Он усмехается.

– Я для неё всё. И друг, и партнёр, и любимый человек. Как и она для меня.

– Разве так бывает? Столько лет любить, не остывая.

– Бывает, – он пожимает плечами. – А по-другому какой смысл? Жизнь и так не сахар. А если ещё друг другу жизнь в уксус превращать, то зачем вообще вместе оставаться?

Молчу. Потому что не знаю, что сказать. У меня такой любви не было. А всё, что было, в итоге стало уксусом.

– Тебе просто не повезло, – начальник будто читает мои мысли. – Пока. Поверь, нормальных мужиков полно. Просто твой, настоящий, который тебя оценит и будет всю жизнь на руках носить, пока не встретился.

Фыркаю, вытираю салфеткой припухший от влаги нос.

– Мне никто не нужен.

– Ну, это ты сейчас так считаешь. Пройдёт время, встретишь такого мужчину и поймёшь, что я был прав.

– Ну и где они, эти нормальные мужики прячутся?

Андрей кидает взгляд в зеркало заднего вида и перестраивается в соседний ряд.

– Маскируются. Примерно как я. На работе грозный босс, а дома – ласковый котёнок.

По немного шкодливой улыбке понимаю – шутит.

– Тогда твоя маскировка подкачала, – притворно вздыхаю, принимая правила игры. – Ты вообще не грозный, а строгий, но справедливый.

– Раскусила всё-таки, – театрально морщится он. – Придётся снова отращивать бороду и начинать рычать.

Я смеюсь, и переживания отступают.

Не всё в моей жизни плохо. Возможно, однажды я встречу такого же прекрасного мужчину, как Андрей. Который будет меня любить. И ценить. И, чего уж там, носить на руках.

Но не сейчас. Сейчас прошлое пока не отпустило.

Машина плавно тормозит у крыльца общежития.

– Ну что, приехали, Золушка, – мягко улыбается начальник. – Пора тебе отправляться отдыхать в свой замок.

Перевожу взгляд на общежитие. Конечно, это не замок. Но и я ещё не принцесса. Скорее, действительно Золушка, у которой впереди ещё много работы.

– Спасибо.

Мужчина поворачивает голову и недоумённо скидывает брови.

– За что?

– За то, что подвёз и поддержал.

– Да не за что, Юн. Людям надо помогать. Особенно добрым и хорошим. Так что, приходи в норму и больше не вешай нос.

– Я в норме, – улыбаюсь. – Правда.

Он хмыкает.

– Ага. В норме. Сопли по щекам, но всё равно в норме.

Испуганно трогаю щёки и понимаю, что он опять подтрунивает.

Андрей уже открыто смеётся.

Вздыхаю, открываю дверь и выхожу. А он наклоняется вперёд и серьёзно говорит:

– И запомни, настоящие мужики не делают больно. А тех, кто это делает, выкидывай из своей жизни без сожалений. Это уже не твоя потеря, а их.

Молча киваю. Он прав.

Машина уезжает, а я остаюсь стоять у крыльца и осознаю, что мне стало легче. Просто потому, что рядом оказался человек, которому не всё равно.

Глава 10

Время до пятницы не бежит, не тянется. Просто идёт, как шло раньше. Без надрыва и пауз. Всё-таки разговор с Андреем, а потом и вечер у Марии Яковлевны, когда мы просидели на её кухне почти до полуночи, сделали своё дело. Она уговорила меня зайти после салона, и я зашла. Посидели, поговорили, я выдохнула, окончательно успокоилась и смогла отпустить ситуацию.

Несмотря на срочный заказ и привычную нехватку людей, начальник в четверг неожиданно поставил ультиматум:

– Так, Юнна, завтра берёшь выходной.

– Андрей, ты не понимаешь. Мне нужна подушка безопасности, – пытаюсь возразить. – У меня Карина ещё студентка. Мне ей помогать надо. Я завтра приду, хоть сколько-то до обеда заработаю.

Но мужчина не слушает.

– Памятник тебе при жизни не поставят, и всех денег всё равно не заработаешь, – сверлит меня строгим взглядом. – Дочка взрослая, работает, ты сама говорила. И муж, насколько я понял, отцовские обязанности с себя не снимал. Так что ничего критичного не происходит. А вот если ты себя доконаешь, толку от твоих денег не будет. Ни тебе, ни дочери. Так что сегодня спишь, отдыхаешь и к завтрашней встрече

готовишься как следует.

Вздыхаю и подчиняюсь. Я взрослая, самостоятельная, но так и не научившаяся отстаивать свою точку зрения женщина.

Полночи лежу, сверлю потолок глазами и кручу мысли. Но в голове не прошлое, а будущее. Варианты, развилки, всякие-разные «а если» и «вдруг». Думаю, перебираю, взвешиваю. Завтра с большой степенью вероятности я стану разведёнкой без какой-либо мужской поддержки. Я так-то и сейчас без поддержки, но завтра это станет официальным статусом.

Нет, мне уже не страшно. Просто непривычно. И тревожно, что уж там.

И вот она, пятница.

Сажу в суде. Жду начала. В коридоре душно. Окна нараспашку, но толку от этого никакого. Кручу в руках бутылку с водой, периодически из неё отпиваю и замечаю, как дрожат руки.

Так, нужно успокоиться. Нельзя показывать свою слабость.

Витя приходит минут за пять до начала. Вот уж кого действительно данная ситуация не волнует и не нервирует. Привычно прямой, подтянутый, холодный, он садится через кресло. Хозяин жизни, хозяин положения.

– Привет, – полуоборачиваюсь к нему.

Не знаю, зачем вообще с ним здороваюсь. Наверное, врож-

дѣнная вежливость насмехается надо мной. Как-то подзабылась уже последняя встреча во дворе, да и хамить не тянет. Наверное, прошлый раз была разовая акция смелости.

– Привет, – ровным тоном отвечает он.

Вообще на меня не смотрит и выглядит отстранѣнно. Будто я ему не жена и никогда не была ею. Чужой посторонний человек.

Отворачиваюсь. Хорошо, что он рассматривает коридор и проходящих мимо людей. Не хочу встречаться с ним глазами. Не могу. Он всё ещё подавляет меня, подминает под себя даже одним молчаливым присутствием. Это же насколько я привыкла ему подчиняться?

Наконец, нас вызывают.

Страшно было оказаться в зале заседаний, почувствовать себя чуть ли не подсудимой.

Но ничего такого нет. Мы проходим в обычный кабинет, где за столом сидит судья – женщина лет пятидесяти в костюме и с аккуратной прической.

Она поднимает голову от бумаг и предлагает нам присесть на стулья напротив.

Мы садимся. Между мной и почти бывшим мужем больше метра, но такое ощущение, что целая пропасть.

– Виктор Андреевич, к нам поступило ваше заявление о разводе. Настаиваете ли вы на расторжении брака? – в какой-то момент спокойно спрашивает женщина.

– Да, настаиваю, – сухо отвечает он.

– Юнна Сергеевна, – она поворачивается ко мне, – вы возражаете?

– Нет, – говорю. Голос почему-то хриплый. Откашливаюсь и добавляю: – Не возражаю.

– Имущественные споры имеются?

– Нет, – снова отвечает Витя, а я только молча качаю головой.

Судья делает пометку и кивает нам обоим.

– Суд учитывает, что стороны пришли к обоюдному согласию. Основания сохранять брак отсутствуют. Решение о расторжении брака будет вынесено через десять дней.

Она закрывает папку и неожиданно смотрит на меня не как судья, а как женщина. Сочувственно.

Я криво улыбаюсь, прощаюсь и выхожу первой. Вот и всё. На улице делаю глубокий вдох. Воздух обжигает лёгкие.

Еду в маршрутке, смотрю в окно и стараюсь сдержаться. В горле ком, глаза щиплет. Не собиралась плакать, а вот вам...

Что теперь страдать? Всё уже позади. Решение принято. Никто никого не держит.

Но как-то иррационально хочется свернуться калачиком. Спрятаться ото всех. Раствориться. Стать невидимой.

Я ведь не люблю его. Уже не люблю. И не хочу возвращать. Не мечтаю, чтобы одумался и прибежал. И всё же внутри что-то жмёт, тянет. Как будто от меня отрезали кусок, пусть уже мёртвый, но всё равно мой. Привычный. Знакомый.

Вспоминается, как когда-то в самом начале Витя смотрел

на меня. Горел. Хотел. Ведь всё это было? Было, да. А теперь «у нас нет совместно нажитого имущества». И вообще ничего совместного больше нет. Только воспоминания и остались, а сама история семьи Филатовых подошла к концу.

Он смог всё отпустить вот так просто.

А я?

Почему мне снова так хочется плакать? Наверное, не из-за него. Из-за себя. Из-за того, что столько лет прожито как будто мимо. И не было там любви. Из-за того, что я так долго обманывалась. И позволяла обманывать. И, наверное, ещё потому, что теперь некого винить. Осталась только я. И то, что будет со мной дальше.

Маршрутку дёргает на повороте. Цепляюсь за спинку соседнего сидения и смаргиваю слёзы. Сама не заметила, когда заплакала.

Ничего. Всё пройдёт. Главное, будущее теперь по-настоящему моё.

Возвращаюсь в общежитие. На лестнице и в коридоре привычный шум и гам. Открываю дверь, разуваясь, ставлю на стол сумку и прохожу к дивану.

Есть не хочу, пить тоже. Хочется просто лечь и лежать.

Переодеваюсь в топ, шорты и ложусь.

Мыслей нет, просто смотрю в потолок. Там пятно. Похоже на облако или, может, на черепаху. Или просто на пятно.

Развод – это официально оформленное одиночество. Подпись под тем, что мы больше не «мы», а я и он. Отдельно. И

больше не надо притворяться. Ни мне, ни ему. Он волен в дальнейшем выборе. Но и я тоже. Также могу теперь дышать полной грудью, но почему-то задыхаюсь.

Поворачиваюсь на бок и обнимаю подушку. Быть одной для меня пока ещё как-то странно и непривычно. На работе хоть как-то находишься в коллективе, отвлекаешься. А вот так, в одиночестве, постепенно начинаешь тонуть в своих мыслях.

Поворачиваюсь на спину и кладу руку на лоб. Старая привычка – кажется, что так мысли быстрее разгонятся. Но они не разгоняются.

В голове каша. Горькая. И в этой каше всё время всплывает одно и то же.

Бывший муж. Его голос. И интонация. Холодная, командная. Он всегда знал, как надо, как правильно, как лучше. Конечно, у меня тоже было право голоса. Но только если моё решение совпадало с его. А если нет, начинался холод и пассивная агрессия. Ему достаточно было начать говорить, и у меня внутри всё сжималось, и только одна мысль билась: зачем я ему перечила, ведь проще было согласиться, уступить, всё равно будет так, как он сказал. И я научилась угадывать его реакцию по взгляду, знала, когда замолчать, сменить тему, отступить. Стала удобной.

И всё это время... всё это время верила, что он меня любит. По-своему, строго, иногда даже жёстко. Но любит. Даже оправдывала его, списывая всё на характер. Он же мужчина,

стержень, глава семьи. Значит, его мнение нужно принимать и уважать.

Но ведь уважение и страх – это разные вещи. И во всех Витиных поступках не было любви. Была привычка, контроль и власть. Любовь к власти. Не ко мне. А во мне всегда – привычно для меня и удобно для него – сидел страх.

Почему-то вспоминается сказка о храбром зайце. Карина в детстве часто просила её прочитать. Зайчишка однажды уверовал в свою смелость и похвалялся перед другими, что никого не боится и, если что, сам всех хищников съест. А по итогу, повстречав волка, бежал, куда глаза глядят, и только случай вновь заставил его поверить в себя.

Вот прямо ощущаю себя тем зайцем. Всю жизнь боюсь, как тот заяц под кустами прячусь. И только уверую в собственную храбрость, как очередная встреча с волком сбрасывает все настройки до заводских.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох. Пытаюсь переключиться, но всё, что могу – это начать думать о свекрови. Странно, что она ни разу не позвонила. Мы ведь ладили. Даже хорошо ладили. Она всегда была такая заботливая. Оставаясь наедине, без Вити, мы могли часами говорить по душам.

Виктория Фёдоровна отлично знает своего сына. И даже несколько раз, когда он был груб в её присутствии, пыталась сгладить конфликт, перетянуть разговор на себя. А потом просила у меня прощения и объясняла, что Витя пошёл ха-

рактером в своего авторитарного отца. Я всегда думала, что она на моей стороне. Да что там, я была в этом уверена.

А вот теперь даже не знаю... С того момента, как мы с Витей разошлись, она ни разу не позвонила и не прислала ни одного сообщения.

Неужели, даже когда Витя переписывал на неё машину, она не задалась вопросом: зачем он это делает? Не могу в это поверить.

Неужели она всё так спокойно приняла? Как должное. Как само собой разумеющееся.

Понимаю, он её единственный сын. Её плоть и кровь. Но всё равно... Обидно. Чисто по-женски. По-человечески.

Всё, что между нами было, оказывается, тоже было только «при нём». А без него я ей никто. Просто бывшая невестка.

Боже, нужно же как-то родителям ещё сообщить. Не представляю, как мама воспримет. Для неё это будет тяжёлая новость.

Сжимаю подушку, как будто она может дать хоть какое-то облегчение.

Ничего. Прорвусь. Я сильная, я смогу.

Телефон вибрирует, вырывая меня из эмоциональной истерики.

Сердце замирает. Карина...

– Привет, мам, – голос дочери глухой и безрадостный.

Неужели, она всё знает? Нужно собраться. Не ради себя – ради неё.

– Привет, зайка... Как ты?

– У меня всё нормально. А у тебя? – она замолкает, а потом сквозь силу выдавливает: – Вы, правда, разводитесь?

Сажусь. В груди колет жалость к моему взрослому маленькому ребёнку. Такие новости детям всегда тяжело слышать. В любом возрасте.

– Да, – выдыхаю, – правда.

– Но почему? – вырывается у неё со всхлипом. – Вы ведь... Ну... Я не знала, что у вас всё так плохо.

Малышка моя... Как же тебе сейчас горько. Наверное, хуже, чем мне. У меня уже было время свыкнуться, а ты пока только в начале пути.

– Так получилось... Понимаешь, мы с папой долго думали и решили... – начинаю и сама понимаю, как жалко и бесильно звучат мои оправдания.

– Мам, – перебивает она резко, – не ври мне, ладно? У него же кто-то есть? В этом дело, да?

Молчу.

Слова застревают в горле. Даже дочь, не часто в последние годы здесь бывая, и то заметила. А я была слепа и глуха.

Не хочу врать. Но и сказать правду не могу. Какой бы Витя не был муж, он был и остаётся отцом Карины.

– Мам?! – настаивает дочь.

– Кариночка... – мнусь. – Это сейчас уже неважно.

– То есть, есть, – припечатывает она. – Понятно.

И вот теперь я слышу, как её голос дрожит.

– Прости меня, – говорю, стараясь успокоить. – Я не хотела, чтобы ты узнала так. Просто...

– Просто он, как обычно, уже всё устроил сам, да? А ты как всегда всё проглотила, – в её голосе гнев, слёзы и горечь.

Карина не такая, как я. Но и не такая, как Витя. Она умеет быть гибкой, умеет сглаживать. Даже когда командует или злится. Но сейчас она не сдерживает себя. Я это чувствую по голосу.

– Карина, тихо... – я почти шепчу. – Не злись, пожалуйста.

– А как не злиться?! Он же... Вы же...

Она задыхается, пытаясь подобрать слова, и я тороплюсь перебить, чтобы не дать ей окончательно разозлиться.

– Послушай. Несмотря ни на что, он всё равно твой отец. И каким бы он ни был в наших отношениях, это не отменяет его любви к тебе.

– Но он предал тебя! – всхлипывает она. – И я его ненавижу. Как он посмел так поступить с тобой?!

– Нет, стоп. Не говори так. Всё, что случилось, это только между нами, – тихо продолжаю убеждать. – Ты тут ни при чём. И он тебя любит, просто... жизнь сложнее, чем нам бы хотелось. Так бывает, Карин, иногда нужно просто принять и жить дальше.

Она молчит. Только сбивчиво дышит в трубку.

Я представляю, как она сидит где-то на кухне своей съёмной квартиры, с чашкой чая в дрожащих руках и красными от слёз и злости глазами.

Как бы я хотела оказаться рядом. Обнять, погладить по волосам, сказать, что всё выровняется.

– Я не маленькая, мам, – вдруг говорит она. – И всё понимаю. Но это подло. Где ты сейчас живёшь?

Она так резко переводит тему, что я теряюсь и отвечаю правду:

– В общеаге.

– Где?!

– Снимаю комнату в общежитии, – я тараторю, поняв свою ошибку. Сейчас Карина сорвётся и примчится спасать свою невинно пострадавшую мать. Она такая. Моя защитница. – Семейном. Тут очень прилично. Мне нравится. Я уже с соседями познакомилась. Баба Нюра, Ирина, Таисия Егоровна и другие.

Тишина в трубке оглушает.

– И как давно он тебя выгнал? – наконец, вкрадчиво спрашивает дочь, а я хватаюсь за голову. Язык мой – враг мой.

– Я сама ушла. Правда, Карин.

– Я сейчас собираюсь и еду, – холодно произносит дочь. – Говори адрес.

Едва не бью себя по лбу ладонью.

– Карин, ты можешь приехать, я буду только рада, – стараюсь говорить твёрдо. – Но спасать меня не надо. У меня всё нормально. И комната хорошая. Могу прислать видео.

– Правда всё в порядке? – спрашивает с недоверием.

– Правда, – отвечаю уверенно.

– А ты?..

– Я тоже в норме.

– О'кей, я сейчас перезвоню в мессенджере, – заявляет она и отключается.

Спешно бегу рассматривать себя в зеркале. Хорошо, что не разрешила себе поплакать вволю, катала истерику практически всухую. Лицо бледное, под глазами тёмные круги, но в целом, выгляжу нормально.

– Бабушки в курсе? – спрашивает дочь, перезвонив по видео и рассмотрев сначала меня, а следом и комнату, и убедившись, что с её матерью всё в относительном порядке.

– Маме ещё не звонила, а про Викторию Фёдоровну не знаю, – признаюсь я.

– Понятно, – тянет она. – Папа... – она хмурится, выдавливая из себя это слово, – я с ним ещё поговорю.

– Не надо, – мотаю головой. – Это ничего не изменит, только поругаетесь. Я в любом случае не вернусь, а ему и не надо.

Некоторое время спорим. Неуступчивая у меня дочь. Это она ещё не знает, что я, по сути, ушла ни с чем. Теперь буду ждать, когда она приедет по своим делам, только тогда попрошу принести мои вещи. Надеюсь, к тому времени она успеет остыть. Иначе закусятся с Витей, мало не покажется обоим. Оба упёртые. Ещё свежи в памяти воспоминания об их стычках, когда Карина была в подростковом возрасте.

Но, в конце концов, моя мягкость побеждает. Хорошо всё-

таки, что Карина не такая, как Витя.

Прощаемся.

– Я люблю тебя, – почти шепчет дочь.

– А я тебя сильнее.

Кладу трубку и некоторое время просто сижу на диване. Объяснение с дочерью далось нелегко. А я ведь так и не спросила, не смогла спросить, как ей всё объяснил Витя. И сама Карина не сказала. Но, думаю, про меня плохо не говорил, иначе бы дочь не была так агрессивно настроена против него. Ну, хоть за это ему спасибо.

Карина. Студентка, красавица и просто лапочка-дочка. А как похожа на папу, да? Обожаю свой чатик.

В какой-то момент решаю, что всё, хватит рефлексировать. Раз уж начальник вытолкал меня в выходной, надо не лежать пластом, а что-то делать. От лежания ничего не изменится. А если занять руки и голову, станет хоть немного легче. В последнее время работа действительно спасает.

В окно бьёт яркое солнце. Идеальная погода для стирки единственного комплекта постельного белья. До вечера должно успеть высохнуть.

Вскакиваю, собираю постельное, хватаю порошок и иду на кухню. Ставлю стирку на час.

Пока машина стирает, успею сварить суп. Ничего необычного не придумываю. Куриный с вермишелью. Кастрюля

небольшая, но её мне дня на три хватит.

Пока мясо булькает в кастрюле, подготавливаю овощи, а потом, присев на подоконник, рассматриваю редких в это время прохожих и просто жду, когда закончит стирать машина.

На улице поднялся лёгкий ветерок. Замечательно. Значит, бельё высохнет быстрее.

Если забивать эфир такими простыми мелочами, то в голове просто не остаётся места для другой информации. Это именно то, что мне сейчас нужно.

Наконец, машина отжимает и замолкает. Достая постельное и иду на общий балкон. Он большой, широкий, я здесь ещё не была. Как-то не пришлось. Верёвки натянуты достаточно высоко, но я становлюсь на цыпочки и с трудом, но достаю до них. Разглаживаю складки, чтобы бельё высохло без лишних изломов. Щурюсь от яркого солнца и невольно улыбаюсь, поймав солнечных зайчиков из открытого окна в квартире в доме напротив.

Настроение неуклонно повышается, и жизнь уже не кажется такой серой и безрадостной.

И вдруг за спиной раздаётся громогласное:

– Это что ты тут устроила?!

Оглядываюсь. За спиной стоит баба Нюра. Выражение лица такое, что я невольно ёжусь.

– Это что за самоуправство? На чьи верёвки тряпки свои вешаешь? – продолжает налетать она.

– А что, тут верёвки как-то делятся? – растерянно хлопаю глазами.

– Конечно, делятся!

– Простите, я не знала. Мне никто не говорил...

– А спрашивать не пробовала? Понаехали тут всякие, – зло выплёвывает женщина.

– Я сейчас... у Ирины спрошу, куда можно вешать, – горло предательски сжимается, и я буквально шепчу.

– Развели бардак! Сдают комнаты, кому ни попадя, а потом у людей тараканы бегают, – продолжает лютовать бабка.

Она продолжает говорить, но я уже почти ничего не слышу. Смотрю на мокрую простыню. На прищепки, которые дрожат от ветра. Верёвки у них делятся. Какая глупость. Мелочь.

Быстро снимаю бельё.

В горле ком, будто меня унизили при всех. Сжимаю пальцы в кулак, чувствую, как подкатывает стыд, злость, обида. Но сказать ничего не могу.

– Эй, баб Нюр, хватит орать! – раздаётся сзади резкое. – Разбудишь Егорку, я тебе на всю ночь «Rammstein» включу, а сама к маме ночевать уеду.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. В дверях стоит молодая девушка с небрежно завязанным на голове хвостиком, в старенькой футболке и тазиком детского белья в руках. Вроде бы мы уже сталкивались на кухне и пару раз на лестнице.

– Чяво включишь? – не понимает баба Нюра.

– Вот тогда и узнаешь, «чяво»! – язвит девушка и, обогнув женщину, начинает вешать бельё.

– Ты ещё скажи, что пусть все вешают, куда хотят! – не сдаётся женщина.

– А почему нет? Вы что, лично эти верёвки покупали и натягивали? – девушка поджимает губы и сверлит соседку грозным взглядом.

– Мы на них всем этажом скидывались.

– И что? Таисия Егоровна тоже скидывалась, а вешал вообще Сергей Викин. Так и с каких пор верёвки вашими личными стали, м?!

Баба Нюра открывает рот и тут же закрывает. Пыхтит, но больше ничего против не выдаёт.

Хочу сбежать, чтобы не находиться в эпицентре скандала, но проход перекрыт – там молчаливой стеной стоит баба Нюра.

– Не обращай на неё внимания, вешай, куда хочешь, – девушка оборачивается ко мне. – Верёвки общие. Просто кое-кому не до кого докопаться, вот и лезет к тем, кто сдачи не даёт. Кстати, слышала последний альбом «Rammstein»?

Невольно улыбаюсь. Вообще никакой альбом не слушала, но в общих чертах о группе знаю. Не самая лёгкая музыка. Особенно для старшего поколения.

– Не слышала, – отрицательно качаю головой.

– Очень рекомендую, – показательно громко говорит девушка и косится в сторону соседки. – Впечатлений хватит на

неделю. Ну, или что-нибудь из старого могу предложить, – она смеётся и вдруг начинает петь и трясти головой в такт: – Du, du hast, du hast mich¹...

Я фыркаю и хохочу.

Баба Нюра смачно плюётся и уходит, а девушка весело подмигивает мне и показывает в спину женщине язык.

– Я, кстати, Саша. Если что, заходи в гости, вместе послушаем колоритную немецкую музыку. Моя комната прямо возле кухни.

– Я – Юнна. Спасибо, что помогла.

– Ага, – беспечно кивает она. – Не за что. Только советую не давать ей спуска. Баба Нюра у нас очень вредная, а ты, я гляжу, совсем «беззубая». Она таких любит.

Саша уходит, а я, спохватившись, что на кухне всё ещё варится мясо и лежат наструганные овощи, начинаю торопливо вешать бельё.

Саша права, нужно учиться давать отпор хамам и просто наглым людям. Вот только как учиться, если никому никогда в своей жизни отпор не давала?

¹ Ты... Ты имеешь меня... (нем.)

Глава 11

Дальнейшие дни потекли размеренно, похожие друг на друга как однояйцевые близнецы. Ну, а какое тут ещё можно привести сравнение, если из всех интересов – только две работы, резко уменьшившиеся ввиду отсутствия семьи домашние хлопоты да редкие вечерние посиделки с Марией Яковлевной?

Позвонив маме, постаралась как можно аккуратнее сообщить ей новость о разводе. Мама долго охала, ахала и уговаривала меня вернуться к ним с папой. Но я отказалась. Здесь у меня ещё есть Карина. До неё на автобусе всего два часа. А от мамы полсутки ехать, и это не считая пересадки в Москве.

Кстати, Карина сначала отказалась принимать от меня деньги.

– Мам, ты обалдела? Зачем деньги прислала? Ты же сама непонятно на что живёшь, – возмутилась дочь, когда я перевела ей привычную сумму. – Я сейчас обратно кину.

– Нет. Даже не думай. На что ты жить будешь?

– А ты? Я сейчас, пока лето, на полный день вышла работать. Да и Макс тоже. Так что к началу учёбы сможем подкормить на будущее. Да и папа будет помогать. Я с ним, кстати, поговорила. Не то чтобы я простила его, но... В общем, не суть. Мы с ним будем и дальше общаться, но пока что ни-

какого желания приехать к нему у меня нет. Может, позже, когда остыну.

– Дочь, ну нельзя же так. Он всё-таки твой отец, – мягко укоряю. Мне ещё войны между Витей и Кариной не хватало.

– Вот на правах отца он и будет дальше мне помогать. Сумел заделать, так пусть теперь отвечает, пока я на ноги не встану, – категорично заявляет Карина. – Так что сейчас вышлю твои деньги обратно. Тебе они нужнее.

Вот упрямая какая! Переживает, что я тут с голода пухну.

– Карин, вопрос снят. Я не бедствую.

– Ага. Врать сначала научись.

– Карина, я тебе что сказала!

– Мама!

В итоге договорились на половину от присланной суммы. На большее упёртая дочь не согласилась.

– Если что-то срочно понадобится, папе позвоню, он пришлёт, – фыркнула дочь. – А ты о себе больше думай!

Больше встрясок не случилось, и я уже начала думать, что моя жизнь так и будет течь тихо и монотонно, как тягучее болото, без всплесков и волн. Но, как выяснилось, даже в болоте случаются штормы.

Всё началось до банального просто: у меня сломалась микроволновка.

Скажете, ну и что? С кем не бывает? Живут же люди и без микроволновок. Подумаешь, потеря.

Хотелось бы и мне так сказать.

Но нет.

Дело в том, что именно с этой поломки всё и началось. А если точнее, моя жизнь резко поменяла направление.

В общем, дело было так...

В один из дней, а если точнее, в один из вечеров, сижу за столом, ничего особенного не делаю, просто жду, пока в микроволновке подогреется суп. Размышляю о всяком-разном, в том числе и о том, что осталось совсем немного накопить на электроплитку. И вдруг внутри микроволновки раздаётся какой-то странный треск, а потом прямо на моих глазах из боковой панели начинает валить густой чёрный дым.

Что в таком случае сделал бы любой нормальный человек? Правильно, выдернул бы шнур из розетки.

Хотите узнать, что сделала я? Ну, зная мой характер, уже наверняка сами догадались.

Ага. Я сижу дальше, открыв рот и паническим взглядом гипнотизируя разрастающийся на столе микропожар. Возможно, со стороны даже кажется, будто я пытаюсь погасить его силой мысли. Но это не так, потому что в этот момент даже мыслей в голове никаких нет.

В общем, пока комната наполняется дымом, я просто сижу и туплю.

Отмираю, только когда становится нечем дышать и из горла вырывается судорожный кашель, а из глаз начинают течь слёзы.

Дышу, пытаюсь протолкнуть в лёгкие хоть немного возду-

ха, но вдыхаю только вонючий едкий дым.

– Ты что, больная?! Марш отсюда! Быстро! – сквозь звон в ушах пробивается мужской голос.

И вот тут уж я, натренированная на подобные выкрики почти бывшим мужем, срабатываю моментально: дёргаюсь, вскакиваю и отпрыгиваю в сторону, краем глаза или, скорее, краешком сознания, отмечая рядом с собой кого-то высокого и широкоплечего.

Мужчина тянется к удлинителю, выдёргивает его из розетки, обесточивая не только микроволновку, но и всю технику в комнате, а затем оборачивается ко мне, с силой толкает в сторону двери и повторяет:

– Марш отсюда, быстро!

Вылетаю в коридор, хрипя и жалобно втягивая носом чистый воздух. Перед глазами плывут звёздочки, ноги не держат. Ладонями нащупываю стену за спиной, прислоняюсь к ней и медленно съезжаю вниз.

Не знаю, что сейчас происходит в комнате. Мне не до этого. Только бы не потерять сознание. Только бы не отключиться.

– Юнна! Юнна! – кто-то трясёт за плечо.

С усилием открываю глаза. Всё плывёт, но сквозь муть перед глазами различаю Ирину. Девушка присела передо мной на корточки и с тревогой вглядывается в лицо.

– Юн, тебе плохо? «Скорую» вызывать?

– Психушку ей вызови! – жёстко произносит мужчина, вы-

ходя из моей комнаты и с силой захлопывая дверь.

Вздрагиваю, горло снова сжимается, и в ушах начинает гудеть. Не переношу, когда на меня повышают голос. С некоторых пор у меня на подобный вид агрессии выработалась стойкая аллергия.

– Илья! – соседка резко вскидывает голову. – Ты чего орёшь? Что вообще произошло? И что за запах?

– Запах? – раздражённо откликается мужчина. – Кто-то, видимо, решил свести счёты с жизнью. В комнате дым коромыслом, а она сидит и любитесь пожаром!

– Простите, – хриплю, врываясь в разговор. – Я просто растерялась.

Ирина берёт меня за руку и тянет вверх. Я поднимаюсь, шатаюсь как пьяная, и позволяю ей усадить себя на принесённый кем-то стул.

– Посиди, я сейчас гляну, что там.

Она исчезает в комнате, а я остаюсь. Сажу, пытаюсь прийти в себя и подавить рыдания. Потому что мужчина до сих пор стоит рядом. Давит на меня одним фактом своего присутствия. И даже подбегающие периодически соседи не спасают, отвлекая вопросами о том, что случилось. Мой спаситель коротко отбрасывает всех фразой, что всё под контролем и помощь не требуется, а мне только и остаётся утвердительно кивать, сверля пол невидящим взглядом.

Через некоторое время становится легче, туман рассеивается, и перед глазами появляются серые мужские кроссовки

и синие джинсы. Затем замечаю трость.

Медленно поднимаю глаза. Скольжу вверх по чёрной ручке трости, затем по крепкой руке с рельефными мышцами и выпуклыми венами, крепкой шее. Ещё выше. И, наконец, застываю на лице.

– Здрасьте, – выдавливаю, скорее от шока, чем из вежливости.

Я знаю этого мужчину. Мы уже пересекались. И я... я тогда вела себя не лучшим образом. Даже собиралась найти его потом. Чтобы извиниться. И вот, встретились. И где? В общепите. Мало того, в моей комнате. Да уж. Более необычное место для случайной встречи и не придумаешь.

– Привет, вредитель, – мужчина рассматривает меня с некоторой тенью усмешки. – С техникой безопасности незнакома в принципе? Или это такая акция протеста?

Я моргаю. Открываю рот, но слова будто застревают. Голос не слышится.

– Я... я не хотела...

– А, ну это всё объясняет, – снова этот ровный, почти ироничный тон.

Опускаю глаза и прячу руки между колен, сжимая пальцы в замок. Хочу оправдаться, но не нахожу слов.

На его месте Витя бы уже взорвался. На меня посыпались бы упрёки, обвинения, вспомнились все прошлые ошибки. А этот почему-то не пользуется ситуацией, продолжая рычать и добывая мою и без того потрёпанную самооценку. И от этого

становится неуютно, потому что я не знаю, как себя вести в ответ на подобную реакцию.

Из комнаты выходит Ирина. В руках моё полотенце, на лице лёгкая полуулыбка. Видимо, всё не так плохо, как я успела себе представить

– Всё не так страшно, – говорит Ира, в подтверждение слегка кивая. – Илья молодец, сразу окно открыл, а я немного помахала, чтобы быстрее проветрилось.

Она переводит взгляд на меня, наклоняется и прищуривается, снова вглядываясь в моё лицо.

– Юн, ну ты как? Дышать легче? Голова не кружится? Может, в больницу отвезти?

Отрицательно трясую головой.

– Не, я в норме.

На самом деле нет. Физически я уже пришла в себя, но мне жутко стыдно и хочется провалиться сквозь пол.

– Да? Вообще, не похоже, что в норме.

– Мне... очень стыдно, – бормочу. – Извините...

Поднимаюсь со стула и на ватных ногах медленно захожу в комнату, стараясь дышать через рот.

– Ты куда, болезная? – доносится за спиной ироничное.

Я не оборачиваюсь, только чуть дёргаю плечом и сглатываю.

– Оценивать ущерб, – отвечаю вполголоса. – А потом сдаваться, компенсировать потери и, наверное, собирать вещи.

С усилием проталкиваю ком в горле поглубже и делаю ещё

шаг вперёд. Дым почти весь выветрился, но в воздухе витает ощутимый запах гари, а на столешнице, где стоит закопчённая микроволновка, отчётливо видны чёрные обугленные подпалины. Прощай, двухконфорочная плитка, здравствуй новый стол, возможно, ремонт, если запах уже успел впитаться в обои и, скорее всего, новое место жительства. Да, вряд ли после такого Таисия Егоровна потерпит настолько безответственного квартиросъёмщика.

Как же я так вляпалась?

Комната наполняется людьми. Вслед за Ириной входит её муж Максим, а сразу за ним влетает Саша, с которой мы иногда болтаем, встречаясь на кухне или в коридоре. Последним входит... Илья.

Максим пихает мне в руку бутылку с водой.

– Держи. В горле небось першит?

Благодарно улыбаюсь и жадно пью.

– Ой, Юнка, ну и пипец у тебя тут творится! А я-то думаю, что у нас горит? – восклицает Саша, рассматривая пожарище и поражённо всплёскивая руками. – Этот бардак нужно срочно убирать. Ну, чего стоим? Давайте, шевелитесь. Чем быстрее, тем острее.

– Вообще-то, наоборот, – поправляет её Ира.

– У всех наоборот, а у меня так, – отмахивается Саша. – Макс, избавь нас от этого исчадия вонь – вынеси микроволновку, а на обратном пути захвати из подвала стремянку. Илья, сходи к Вике, у неё, кажется, клеёнка после ремон-

та оставалась. Может, не успела выкинуть. Нужно диван накрыть, пока запах не въелся.

Дальше всё происходит очень быстро, и я даже не успеваю анализировать события. Саша – прирождённый лидер, и, несмотря на то, что она здесь самая младшая, мы все безоговорочно подчиняемся её командам.

Илья уходит и через несколько минут приносит клеёнку. Вместе с Ириной они накрывают диван. Макс уносит микроволновку, предварительно завернув её в какую-то старую тряпку, а возвращается со стремянкой. Мы с Сашей начинаем снимать тюль и шторы.

– Ребята, стол тоже на мусорку тащите, – командует Саша.
– Юн, ты же не против?

Отпускаю тюль и оборачиваюсь.

Я всё ещё в шоке, но почему-то ни страдать, ни плакать не получается, да и не хочется. Заражаюсь энергией действия от других, тороплюсь спасти всё, что ещё подлежит спасению.

– Не против. Он же всё равно испорчен.

– Ну вот и отлично. Мальчики, организуйте вынос тела.

Ира фыркает и начинает смеяться. Она хохочет так заразительно, что мы не выдерживаем и подхватываем.

Напряжение спадает, и внутри становится так хорошо-хорошо. Единственное, что заставляет коленки дрожать, это предстоящий разговор с Таисией Егоровной. Мне очень стыдно и от этого не менее страшно. Стоит об этом вспомнить, и смех обрывается.

Роняю туюль и на дрожащих ногах спускаюсь со стремянки.

– Юн, ты чего? Плохо? Испугалась? Расстроилась? – засыпает вопросами Ирина, заметив моё состояние. – Да нормально всё, и не так критично, как кажется. Не парься.

– Не знаю, как с хозяйкой объясняться, – признаюсь, опустив голову в пол. – Выселит меня теперь, наверное.

– Ой, да ладно, – фыркает она. – Тётъ Тася – нормальная женщина. Ничего она тебе не сделает. Это же техника, всякое бывает.

– А стол так и вообще дело наживное, – подтверждает Саша. – Сейчас со всем разберёмся, а потом поищем похожий на сайте. Иногда попадаются почти новые вещи, а цена – копейки. А некоторые и «за так» отдают, лишь бы вынесли.

Вернувшиеся мужчины приносят тазы и вёдра с водой, и мы с девчонками старательно протираем окно, мебель, люстру, двери, отмываем пол и возвращаем на место постиранные шторы.

Саша уже сбегала покормить проснувшегося Егорку, собрала его и отправила с мужем гулять на улицу, после чего снова вернулась помогать нам с Иррой.

Максим уходит, потому что проснулась маленькая Алина, и её тоже пора кормить, да и ему скоро собираться в ночную смену. У нас в качестве тягловой силы и поставщика чистой воды в вёдрах остаётся только Илья.

– Твой муж не будет ругаться, что ты на него ребёнка сбро-

сила? – тихо спрашиваю девушку.

– С чего бы ему ругаться? – фыркает Ирина. – Поменять памперс и дать ребёнку бутылочку – невелика наука. Тем более, Максу нравится заниматься с Алиной. И вообще, почему все привыкли, что младенцем должна заниматься только мать? Делали вместе, вот и растить нужно вместе. Мне с Алинкой ещё всю ночь прыгать.

Смотрю на девушку, открыв рот.

Витя маленькую Карину вообще на руки не брал. Помню, однажды приехал в деревню, и я попросила его просто поддержать её, пока в баню ополоснуться сбегая. Так он сбагрил Карину матери, потому что «она орёт, а я не знаю, что делать», и потом долго вычитывал, что не мужское это дело – заниматься младенцами.

Да, времена изменились. Раньше ребёнок считался обязанностью матери, а отец будто бы в стороне был. Но сейчас всё по-другому. И мне нравится такой подход: делали вместе, значит, и растить нужно вместе.

Наконец, всё, что можно было отмыть, отмыто, и мы уставшие, но довольные можем присесть.

Окидываю взглядом комнату. Если бы я была одна, последствия случившейся катастрофы могли быть более печальны, а так даже запаха плавящегося пластика практически не осталось.

– На ночь оставь окошко нараспашку, думаю, всё выветрится, – в дверь заглядывает Ира, уходящая забрать дочку.

– Не думаю, что запах успел в обои впитаться, а остальное мы вымыли. Ты, кстати, так шустро с шваброй управляешься, я с такой скоростью мыть не умею. Научишь?

Хмыкаю и понятливо киваю.

– В последнее время мытьё полов и других доступных твёрдых поверхностей, моё самое любимое занятие, – и тут же подскакиваю в ужасе. – Ой!

– Что? Что-то забыла? – удивлённо вскидывает брови Ирина, всё так же стоя в дверном проёме и покачивая коляску с младенцем.

– Я... Блин, я забыла про работу! – восклицаю испуганно.

Не то чтобы мне в салон нужно являться ровно к семи, хозяйке ведь главное, чтобы всё к утру было чисто, а так хоть всю ночь натирай там полы, но я привыкла приходить в одно и то же время. К тому же теперь обратно придётся возвращаться по темноте.

Хватаю телефон и смотрю на время. Половина девятого. Пока добегу, девять. Пока вымою всё, одиннадцать. Если потороплюсь и побегу прямо сейчас, всё успею. А, блин, там же ещё сигнализация. Надеюсь, у ЧОПа вопросов не будет.

– Ну давай, собирайся, – Саша встаёт со стула. – Пойду своих загонять домой и кормить.

– Спасибо, Саш, – искренне улыбаюсь.

– Угомонись, – отмахивается девушка и скрывается за дверью.

– Ты работаешь посменно? – Илья смотрит на меня с ин-

тересом, не торопясь покидать комнату.

– Не посменно, – качаю головой и поясняю: – У меня есть постоянная работа. А вечером убираюсь в салоне красоты.

– И долго ты там?..

– Часа два, – отвечаю, уже обувая кроссовки.

Мужчина смотрит на часы и хмурится.

– А где этот салон?

– Недалеко от остановки «Третья школа». Салон «Фея беллиссимо». А что?

– Да так, – он наконец выходит в коридор.

Хватаю сумку и выскакиваю вслед за Ильёй. Закрываю комнату на ключ, искренне благодарю Иру и Илью за помощь и убегаю.

Не очень красиво поступаю, но мне сейчас некогда. Завтра куплю разных вкусностей и приглашу их на чай. А сейчас работа, работа и ещё раз работа.

И только по дороге я начинаю задаваться вопросом: а откуда в общежитии взялся Илья?!

Глава 12

Выхожу из салона, закрываю дверь и звоню в охрану, чтобы поставили объект на пульт.

Уже стемнело, но фонари вдоль центральной улицы и небольшие светящиеся вывески над магазинами в достаточной мере освещают дорогу, позволяя какое-то время не бояться и не шарахаться в сторону от встречающихся небольших групп гуляющей молодёжи. Некоторые из них идут парами, но есть и одиночки, и неб

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.